Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX—XX веков

И.Ф. Попова

бширные пространства Центральной Азии, населенные многочисленными разноязыкими народами, соединяющими в своей культуре черты буддийского, мусульманского и христианского Востока, кочевой и оседлой цивилизаций, становятся объектом систематических исследований в России с начала XIX в. Более ранние сведения купцов и путешественников, посещавших этот регион, свидетельствовали о большом экономическом и культурном значении контактной зоны между Россией и Дальним Востоком и о необходимости всестороннего ее изучения.

Центральная Азия включает пространные пустыни и полупустыни, нагорья и плоскогорья. Ее естественная граница на востоке проходит по южным цепям Большого Хингана и хребту Тайшань, на юге — по верховьям рек Инд и Брахмапутра, на западе и севере — по горным хребтам Восточного Казахстана, Алтая, Западного и Восточного Саяна. После распада Советского Союза в понятие Центральной Азии стали включать и территорию Средней Азии, на которой расположены государства Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан.

В европейской исторической традиции использовались разные названия как всего региона, так и отдельных его территорий. Территория Центральной Азии, именуемая в китайских источниках Западным краем (Си юй), в русской и европейской исторической литературе XVIII — начала XIX в. называлась Малой Бухарией, в отличие от Большой, где располагалось Бухарское ханство. В XVIII—XIX вв. в Европе эти районы стали именовать Туркестаном, от $T_{u\kappa}$ -uстан, или Страна тюрок, первоначального иранского названия земель кочевания тюркских племен к востоку от Ферганы и Бухары. Позже, когда тюрки заселили огромные пространства от Каспия до Лопнора, название Туркестан получило новое содержание, настолько обширное, что понадобилось разделение его на Западный, Бухарский, или Русский, Туркестан, а также Восточный, или Китайский¹. Пространство Таримской равнины именовалась Кашгарией; обширные земли между озером Балхаш на севере и Тянь-Шанем на юге, в долине рек Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд — Семиречьем. Восточный Туркестан называли Моголистаном (Могулистаном), что было

Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century

I.F. Popova

he vast spaces of Central Asia, inhabited by numerous nomadic and sedentary peoples speaking different languages and combining features of Buddhist, Muslim and Christian East in their cultures, have been an object of systematic study in Russia since the early nineteenth century. Early evidence from merchants and travellers who visited the area proves that the contact zone between Russia and the Far East was highly important, both economically and culturally, and therefore required all-round investigation.

The vast land of Central Asia encompasses extensive deserts and semi-deserts, plateaus and highlands. Its natural boundary is formed by the southern mountain chains of the Greater Khingan Range and the Tai Shan ridge in the east, the upper reaches of the Indus and the Brahmaputra in the south, and the mountain ridges of Eastern Kazakhstan, the Altai, and the Western and Eastern Sayan in the west and north. After the disintegration of the Soviet Union the notion of Central Asia was extended to Middle Asia, where such countries as Turkmenistan, Tadjikistan, Uzbekistan, Kyrghyzstan and Kazakhstan are located.

The European historical tradition has used various names to refer to the entire region and its parts. The territory of Central Asia, described as the 'Western Regions' (Xi yu) in Chinese sources, was referred to in the Russian and European historiography of the 18th and early 19th century as Lesser Bukharia, in contrast to Greater Bukharia, where the Bukhara Khanate was situated. In Europe, these lands came to be referred to, in the 18th and 19th centuries, as Turkestan, or Tuk-istan, i.e. 'the Land of Turks', which was the original Iranian name for the territory east of Fergana and Bukhara where nomadic Turkic tribes roamed. Subsequently, when the Turkic tribes occupied the enormous territory from the Caspian Sea to Lop Nor, the name Turkestan developed a new reference, so broad that it was deemed necessary to distinguish such areas as Western -Bukhara, or Russian Turkestan — and Eastern, or Chinese Turkestan¹. The Tarim Basin was called Kashgaria; the vast area between Lake Balkhash in the north and the Tian Shan in the south, in the valley of the Yili, the Karatal, the Bien, the Aksu, the Lepsa, the Baskan and the Sarkand, was designated as Semirechye (Russ. the 'Land of the Seven Rivers').

Мурзаев Э.М. Средняя Азия. Физико-географический очерк. М., 1957. C. 255.

Murzayev, E.M. Middle Asia. An Outline of Physical Geography. M., 1957, p. 255.

связано с существованием здесь в XIV-XVI вв. Моголистанского ханства. Историческая область Джунгария (Чжунгария) на Джунгарской равнине, между Монгольским Алтаем на севере и Тянь-Шанем на юге, получила название по месту обитания джунгар (ойратов). В настоящее время географические понятия Восточный Туркестан и Западный край считаются тождественными, обозначающими территорию Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики или провинции Синьцзян Цинского Китая (1644—1911), образованной в 1884 г. Топоним *Синь*цзян (Новая линия, Новая граница) вошел в употребление применительно к данному региону в конце XVIII в. после присоединения Цинами земель к востоку от Средней Азии. Сначала это название относили ко всем новым территориям Китая без исключения, и лишь со времени царствования императора Цзяцина (1796—1820) Синьцзяном стали именовать вновь присоединенные к империи земли на северозападе.

Торговые связи Европы с Дальним Востоком установились не позднее І в. до н. э., когда в древнеримской литературе появились первые указания на потребление шелковых тканей несомненно китайского производства. Эти ранние контакты не были прямыми. В первое тысячелетие нашей эры китайские товары (главным образом шелк) проходили по так называемому Шелковому пути через руки купцов-посредников — арабов, хорезмийцев, согдийцев. Дальнейшее расширение знаний о Центральной и Восточной Азии на Западе было связано с арабскими завоеваниями VII—IX вв. В арабских и персидских исторических и географических сочинениях ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мукаддаси, Ибн ал-Факиха, Ибн Хордадбеха, Кудамы, Ибн Русте, ал-Йакуби, ал-Масуди, ал-Бируни, Гардизи, Йакута и др. содержались сведения по истории и культуре народов Центральной Азии. В XII—XIII вв. европейцы, снаряжавшие крестовые походы и направлявшие посольства к монгольским ханам (Плано Карпини, Гильом Рубрук), добыли новые сведения о Центральной Азии.

Возвышение в XII в. итальянских морских республик привело к более активному проникновению на Восток европейцев. Дипломаты, купцы, путешественники, странствующие монахи устремились в страны Азии, ставя перед собой конкретные практические и миссионерские задачи. Период накопления знаний о Востоке и создания предпосылок для его научного исследования продолжался в Европе до XV в. В это время еще не было создано работ, основанных на оригинальных источниках на восточных языках; многие сведения черпались из сирийской, византийской и древнеармянской литератур, которые служили посредниками между Востоком и Западом. Материал, собранный европейцами путем личных наблюдений и расспросов на Востоке, обобщался в самой разнообразной многожанровой литературе, к которой относились путевые заметки, дорожники, сборники

Eastern Turkestan was called Mogolistan (also Mogulistan) for the Mogolistan Khanate situated there from the 14th till the 16th century. The historical area of Jungaria, between the Mongolian Altai Mountains to the north and the Tian Shan to the south, derives its name from the local tribe of Jungar, or Oirat.

Today the geographical names 'Eastern Turkestan' and the 'Western Regions' are regarded as synonymous designations of the territory occupied by Xinjiang-Uighur Autonomous Region in the People's Republic of China, or the Xinjiang Province of China during the reign of the Qing Dynasty (1644–1911), established in 1884. The place-name Xinjiang ('New Line' or 'New Frontier') gained currency with reference to this area in the late 18th century, after the Qing Dynasty had spread its power over the lands east of Middle Asia. Initially this place-name designated all of China's new territories without exception. It was not until the reign of the emperor Jia-qing (1796–1820) that the name Xinjiang was limited to the Chinese Empire's newly annexed northwestern lands.

Trade relations between Europe and the Far East were established no later than the first century BC, when Roman sources began making references to the use of silk fabrics, undoubtedly produced in China. The early contacts, however, were indirect. During the first millennium AD Chinese goods (chiefly silk) were carried on what was known as the Silk Road by Arab, Khwarazmian and Sogdian middlemen. The West gained further knowledge of Central and Eastern Asia in connection with the Arab conquests in the 7th through the 9th centuries. Arabic and Persian historical and geographical writings by al-Istakhri, Ibn Haugal, al-Muqaddasi, Ibn al-Faqih, Ibn Hordadbeh, Qudama, Ibn Ruste, al-Yaqubi, al-Masudi, al-Biruni, Gardizi, Yaqut, and other authors contained information on the history and culture of Central Asian peoples. More information on Central Asia came from Europeans, who launched crusades and sent their envoys (e.g., Pian del Carpini and Willem van Ruysbroeck) to the Mongol khans in the 12th and 13th centuries.

The rise of the Italian coastal republics in the 12th century further stimulated the Europeans' travels to the East. Diplomats, merchants, adventurers and wandering monks flocked to Asia pursuing their own practical and missionary goals. Accumulation of information about the Orient and creating the necessary prerequisites for research continued up to the 15th century. That period was marked by a lack of writings based on original sources in Oriental languages; most of the information came from Syriac, Byzantine and Old Armenian literatures, intermediaries, as it were, between East and West. Europeans began summing up their knowledge, accumulated by means of direct observations and inquiries, in diverse writings and genres, e.g. travel notes, itineraries, journals, road novels, chronicles, crusade projects, works by missionaries and pilgrims,

путешествий, романы-путешествия, исторические хроники, проекты крестовых походов, труды миссионеров и паломников, эпистолярная литература, повествовательные новеллы². В конце XIII в. венецианец Марко Поло, проживший 17 лет в Китае, посетил и описал в своей «Книге» многие части Азии³.

Через Центральную Азию устанавливаются первые контакты русских с Китаем. К XIII в. относятся сведения о пребывании русских в Каракоруме. Тогда же через Монголию в Китай были доставлены русские пленники, которые составили охранный русский полк при дворе монгольской династии Юань (1271—1368). В XVI в. сведения о Кашгарии пришли в Россию от казачьих атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ямышева, направленных в

Китай Иваном Грозным в 1567 г. В начале XVII в. через Западную Монголию в Китай проследовали посольства Василия Тюменца (1615), Ивана Петлина (1618) и Федора Байкова (1654). В 1713 г. тобольский купец Ф. Трушников дошел до озера Кукунор и верховьев Хуанхэ. В XVIII в. в Кашгаре побывал Филипп Сергеевич Ефремов (1750—1811?), оставивший в воспоминаниях о своем путешествии сведения о Восточном Туркестане и Средней Азии, а также о населении и торговле в городах Кашгар и Яркенд4.

Начало научного этапа в изучении Средней и Центральной Азии в России связано с именем выдающегося ученого Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинф, 1777—1853). Накопив большой материал во время пребывания в Китае в 1807—1821 гг., Н.Я. Бичурин решил при подготовке к печати своих научных трудов сначала ознакомить русскую общественность с сопредельными регионами, а потом перейти к собственно Китаю. «Порядок требовал прежде осмотреть Тибет, Тюркистан и Монголию, — писал Н.Я. Бичурин, — т. е. те страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем и через которые самый Китай имеет связи с Индиею, Среднею Азиею и Россиею. Надлежало прежде обозреть географическое положение и политическое состояние помя-



H.Я. Бичурин N.Ya. Bichurin

epistles, and narrative literature.² In the late 13th century, Marco Polo, who had spent seventeen years in China and visited many parts of Asia,³ described his experiences in his *Travels*.

It was via Central Asia that the Russians first established contacts with China. The earliest evidence of Russian presence in Karakorum dates from the 13th century. During the same period Russian prisoners were brought to China via Mongolia to serve on the Russian guard regiment at the court of the Yuan Dynasty (1271-1368). In the 16th century, Russia received some information about Kashgaria through Ivan Petrov and Burnash Yamyshev, the Cossack atamans dispatched to China by Ivan the Terrible in 1567. In the early 17th century, the diplomatic missions led by

Vasily Tyumenets (1615), Ivan Petlin (1618) and Fyodor Baikov (1654) travelled to China via Western Mongolia. In 1713, F. Trushnikov, a Tobolsk merchant, reached Lake Koko Nor and the upper reaches of the Huang He. In the 18th century, Filipp Sergeyevich Efremov (1750–1811?) visited Kashgar and recorded his reminiscences of Eastern Turkestan and Middle Asia together with information on the population and commerce in the towns of Kashgar and Yarkend.⁴

In Russia, a scientific study of Central and Middle Asia was started by the outstanding Sinologist Nikita Yakovlevich Bichurin (Father Iakinf, 1777–1853). Having amassed a wealth of material during his stay in China in 1807–21, he determined that the Russian public should be made aware of regions bordering on China before being introduced to China itself. He wrote: "It was in the order of things that Tibet, Turkestan and Mongolia should be dealt with first, as those countries have long maintained contacts with China and given China itself access to India, Middle Asia and Russia. It deemed appropriate to begin by surveying the geographical location and political structure of the aforementioned countries and then go on to describe China's political views on those. Therefore, I decided to preface my account of China with some notions pertaining to

Горелов Н.С. Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов / Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. д. ист. наук. СПб., 2006. С. 10—13.

³ Книга Марко Поло / Пер. старофранц. текста И.П. Минаева. Вступит. ст. И.П. Магидовича. М., 1956.

Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда чрез Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.

Gorelov, N.S. Orient as Reflected in European Medieval Tradition: Creating Views and Stereotypes. Abstract of the doctoral thesis. SPb., 2006, pp. 10-13.

[&]quot;The Travels" of Marco Polo. Translated from the Old French by I.P. Minayev, with an introduction by I.P. Magidovich. M., 1956.

The Story of the Ten-year-long Travel and Adventure of the Russian Subaltern Efremov (Presently the Collegiate Assessor) in Bukharia, Khiva, Persia, and India, and His Return to Russia via England, Written by Himself. SPb., 1786.

нутых стран и отсюда вывести политические виды Китая на оные. Таким образом, я имел в виду еще до вступления в Китай подать некоторые понятия о тамошнем дворе и политике его, о тамошнем правительстве и законах его, о народных нравах и обычаях. По вступлении в самый Китай уже менее встретим затруднений при обозрении полного состава китайской империи во всех политических ее изгибах»⁵.

Труды по исторической географии, бесспорно, остаются самыми востребованными среди наследия Н.Я. Бичурина, как опубликованного, так и неопубликованного, хранящегося в архивах. Они не утратили своей актуальности вплоть до настоящего времени и благодаря абсолютной точности перевода и локализации географических данных остаются важнейшим источником для исследований по археологии, истории и этнографии древней и средневековой Азии. В 1828 г. Н.Я. Бичурин опубликовал работу «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», основанную на комментированном переводе китайского сочинения XVIII в. «Опи-ши»). Первая книга о Тибете на русском языке получила высокую оценку в России и за рубежом. В ряде газет и журналов появились рецензии, отмечавшие ее большое научное значение, в 1829 г. она была опубликована на французском языке с примечаниями Генриха Юлиуса Клапрота (1783— 1835). В 1828 г. вышел труд Н.Я. Бичурина «Записки о Монголии», представлявший полное, основанное на китайских источниках описание Монголии. Книга также была сразу переведена на французский язык. Издание работ о Тибете и Монголии стало главным основанием для избрания Н.Я. Бичурина 17 (29) декабря 1828 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Книга «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» впервые увидела свет в 1829 г. и стала третьей большой работой о. Иакинфа. В нее вошли переводы из важнейших китайских источников: «Повествования о Западном крае» («Си юй чжуань»); 96-й главы «Истории династии Ранняя Хань» («Цянь Хань шу»); «Описания виденного и слышанного о Западном крае» (西域問見錄 «Си юй вэнь цзянь лу»), изданного в 1777 г.; официального географического свода Китая XVIII в. «Полное географическое описание Великой империи Цин» (大清一統志 «Дай Цин и тун чжи»). К сожалению, труд о Восточном Туркестане не привлек к себе такого же внимания публики, как две предыдущие работы. Оценка подлинного значения «Описания Чжунгарии и Восточного Туркестана» стала возможна гораздо позже, а тогда единственным непосредственным откликом на нее была рецензия Н.А. Полевого6.

its court and politics, government and legislation, and popular customs and traditions. In dealing with China proper, then, we would find it easier to give a full perspective on the Chinese Empire with all of its political twists."⁵

Bichurin's works on historical geography are undoubtedly the most prominent part of his writings, published or otherwise, preserved in the archives. Owing to the perfectly accurate translation and localization of geographical data, they still remain valid today, serving as a valuable resource on the archaeology, history and ethnography of ancient and medieval Asia. In 1828, Bichurin published his Account of Tibet in Its Present State, based on the annotated translation of the 18th-century Chinese source entitled Account of Tibet with Illustrations (衛藏圖識 Wei Zang tu shi). His work, the first book on Tibet to be published in the Russian language, was highly acclaimed in Russia and abroad. A number of periodicals carried reviews emphasizing its great scholarly value. The French translation with commentaries by Heinrich Julius Klaproth (1783–1835) saw the light in 1829.

In 1828 Bichurin published his Notes on Mongolia, a comprehensive description of Mongolia based on Chinese sources. This book, too, was soon translated into French. It was chiefly due to his publications devoted to Tibet and Mongolia that Bichurin was elected Corresponding Member of the Imperial Academy of Sciences on 17 (29) December 1828. His next book, Account of Jungaria and Eastern Turkestan in Their Ancient and Present State appeared in 1829, becoming Father lakinf's third major work. It included translated excerpts from such important Chinese sources as Narratives about the Western Regions (Xi yu zhuan), Chapter 96 of the History of the Former Han Dynasty (Qian Han shu), An Account of What Has Been Seen and Heard of the Western Regions (西域問見錄 Xi yu wen jian lu) published in 1777, and the 18th-century Chinese official geographical compendium entitled A Comprehensive Geographical Outline of the Great Qing Empire (大清一統志 Da Qing yi tong zhi). Unfortunately, his book on Eastern Turkestan did not bring as much public attention as had Bichurin's two previous works. It was not until much later that the true worth of his Account of Jungaria and Eastern Turkestan in Their Ancient and Present State was recognized. Meanwhile, the only contemporary review was that by N.A. Polevoi. 6

Бичурин Н.Я.] о. Иакинф. Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти стр. В 2-х ч. Ч. 1. СПб., 1842. С. 3—4.

⁶ Полевой Н.А. Современная библиография // Московский телеграф. Ч. 25. М., 1829. Прибавление к № 4. С. 532—543.

[[]Bichurin, N.Ya.] Father lakinf. A Statistical Outline of the Chinese Empire. Complete with a five-page geographic map. Parts 1, 2. Part 1. SPb., 1842, pp. 3–4.

Polevoi, N.A. "Contemporary Bibliography." Moskovsky telegraf. Issue 25. M., 1829. Supplement to No 4, pp. 532–543.

В 1848 г. Академия наук поручает Н.Я. Бичурину написать труд по истории народов Средней Азии. В результате он создает фундаментальное сочинение в трех томах «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», впервые опубликованное в 1851 г. Основано оно было на переводах китайских источников, которые ранее никогда не были представлены западным читателям. В этот труд вошел исправленный перевод раздела «Си юй чжуань», извлечение о соседях Китая из «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня, а также материалы из официальных историй династий Поздняя Хань (25—220), Цзинь (265—420), Вэй (386—534), Северных и Южных династий, Суй (581—617) и Тан (618—907) («Хоу Хань шу», «Цзинь шу», «Вэй шу», «Бэй ши», «Нань ши», «Суй шу», «Тан шу»).

Н.Я. Бичурин сумел выявить в китайских исторических сочинениях большое количество сведений о государствах и народах Азии и предоставить эти сведения в распоряжение исследователей, которым они были недоступны. В январе 1823 г. в письме к историку и государственному деятелю Алексею Николаевичу Оленину (1763—1845) Н.Я. Бичурин писал: «...замечания о древнем состоянии Азии, разбросанные на обширном пространстве истории китайской, имеют тесную между собою связь, подобно границам, где одна черта, разделяющая два владения, принадлежит обоим. Ибо с означением пределов одного государства открывается местоположение и других, с которыми оно смежно, с описанием одного народа сообщается понятие на других, с которыми он имел связь»⁸.

Труды Н.Я. Бичурина увидели свет в то время, когда Россия стала превращаться в мировую евразийскую державу. Значительно расширив свое влияние на Дальнем Востоке и в Тихом океане; она начала осознавать подлинное геополитическое значение внутренней Азии и обращать внимание на необходимость ее всестороннего изучения. 6 (18) августа 1845 г. по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге было создано Русское Географическое общество (РГО), «первой задачей» которого было заявлено собирание и распространение достоверных сведений о России, а «второй важной задачей должно было стать изучение зарубежных стран, в первую очередь сопредельных с Россией Турции, Персии, Китая и т. д.» В 1846 г. было создано Русское

In 1848, the Academy of Sciences entrusted Bichurin with compiling a history of the peoples of Middle Asia. As a result, he produced a thorough three-volume study entitled A Collection of Information about the Peoples Living in Middle Asia in Ancient Times, first published in 1851.7 It was based on translations of Chinese sources previously unknown to the Western public. It included a revised translation of Chapter Xi yu zhuan, an excerpt about China's neighbours from the Historical Records (Shi ji) by Sima Qian, and materials from the official histories of the Later Han (25–220), Jin (265–420), Wei (386–534), the Northern and Southern Dynasties, Sui (581–617) and Tang (618–907) (Hou Han shu, Jin shu, Wei shu, Bei shi, Nan shi, Sui shu, Tang shu).

Drawing upon Chinese historical writings, Bichurin managed to gather a great deal of information about Asian countries and peoples, placing it at the disposal of researchers, who had previously had no access to it. In January 1823, Bichurin wrote this to the historian and statesman Aleksei Nikolayevich Olenin (1763–1845): "...scattered over the long course of Chinese history, the facts pertaining to Asia's ancient situation are inextricably interwoven, like frontiers where the dividing line between two domains belongs to both. Indeed, tracing the boundaries of one country reveals the location of its neighbours, just as an account of one nation conveys information about other nations with which it has been in contact." 8

Bichurin's works saw the light at a time when Russia was emerging on the international scene as a powerful Eurasian state. Having established a firm foothold in the Far East and the Pacific, it became aware of the real geopolitical significance of Inner Asia and the necessity of its comprehensive investigation. On 6 (18) August 1845, the Russian Geographic Society (RGS) was established by an imperial decree for the "primary task" of collecting and propagating reliable information about Russia and the "second most important task of studying foreign countries, primarily those that border on Russia, i.e. Turkey, Persia, China, etc." Furthermore, the Russian Archaeological Society comprising the Slavic-Russian, Classical-Byzantine, Western European and Eastern archaeology sections was established in 1846.

The wide readership in Russia took a keen interest in the unknown world of Asia. Many people believed it was necessary

⁷ [Бичурин Н.Я.] о. Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. СПб., 1851.

⁸ Цит. по: Тихонов Д.И. Русский китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 179. Серия востоковедческих наук. Вып. 4. Л., 1954. С. 282—283.

Чит. по: Матвеева М.Ф. Исследование Центральной Азии — одна из самых ярких страниц в истории Русского Географического общества // Санкт-Петербург — Китай: три века контактов. СПб., 2006. С. 128.

[[]Bichurin, N.Ya.] Father lakinf. Collection of Information about the Peoples Living in Middle Asia in Ancient Times. Vols. 1–3. SPb., 1851.

Quoted in: Tikhonov, D.I. "Russian Sinologist of the First Half of the 19th Century Iakinf Bichurin." *Proceedings of Leningrad State University*. No. 179. Oriental Studies Series. Issue 4. L., 1954, pp. 282–283.

Quoted in: Matveyeva, M.F. "Investigating Central Asia: A Most Striking Page in the History of the Russian Geographical Society."
In St. Petersburg — China: Three Centuries of Contacts. SPb., 2006, p. 128.

Археологическое общество, состоявшее из трех отделов: славяно-русской, классическо-византийской и западноевропейской и восточной археологии.

Широкая читающая публика в России в это время также испытывала огромный интерес к познанию неизведанных пространств Азии. Необходимость изучения и издания трудов по географии осознавалась в ту пору очень многими людьми. В 1848 г. надворный советник П.В. Голубков пожертвовал РГО 2350 рублей на издание перевода классического сочинения К. Риттера «Землеведение Азии» и

дополнений к нему, а также карты Азии. В начале XIX в. основой для изображения на картах географических объектов Центральной Азии служили труды европейских географов К. Риттера и А. Гумбольдта, но их теоретические построения не были основаны на полевых наблюдениях, а поэтому страдали многими недостатками: преувеличением протяженности горных хребтов и плоскогорий, неверной локализацией некоторых горных систем. Работа по переводу труда К. Риттера, опубликованного на русском языке в пяти томах в 1856—1879 гг. под редакцией и с дополнениями П.П. Семенова, дала импульс развитию исторической географии и картографии Центральной Азии в России. В 1850 г. была предпринята первая попытка составления генеральной карты Азии. В том же году Я.В. Ханыковым и А.П. Болото-

вым была издана карта северо-западной части Средней Азии; в 1851 г. Я.В. Ханыков окончил составление карты окрестностей оз. Иссык-Куль. В 1856—1857 гг. первым из европейцев вершины Тянь-Шаня покорил выдающийся ученый-географ Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827—1914). Его исследования в корне изменили представления о геологическом устройстве внутренней Азии. В 1873—1914 гг. П.П. Семенов-Тян-Шанский был бессменным руководителем Русского Географического общества и вдохновителем множества интересных и плодотворных экспедиций. Первые результаты изучения региона поставили на повестку дня вопрос об организации экспедиций не только с географическими, но и с этнографическими и историческими целями.

Историко-географическая тематика занимает в этот период многих исследователей, в университетах читаются курсы по истории географических открытий и исторической топонимике. Большое внимание изучению исторической географии Китая и Центральной Азии уделял китаевед Василий Павлович Васильев (1818—1900), около четверти опубликованных работ которого составили труды по геогра-

to explore and map its geography. In 1848, the Court Counsellor P.V. Golubkov donated 2,350 roubles to the RGS towards the publication of Karl Ritter's fundamental work *The Science of the Earth (Die Erdkunde)*, with supplements, as well as a map of Asia. In fact, the mapping of Central Asian geographical features in the early 19th century was based on investigations by Karl Ritter and Alexander von Humboldt, even if their theoretical evidence was not based on field work and therefore had a number of flaws, e.g. exaggeration of the extent of mountain ridges and plateaus and inaccurate localization of some moun-

tain systems. Nevertheless, preparation and publication, between 1856 and 1879, of the five-volume Russian translation of Karl Ritter's work, edited and supplemented by P.P. Semyonov, gave an impetus to the development of historical geography and the cartography of Central Asia in Russia.

The first attempt to draw a comprehensive map of Asia was made in 1850; later that year, Ya.V. Khanykov and A.P. Bolotov published a map of the northwestern part of Middle Asia. In 1851, Ya.V. Khanykov completed a map of the Issyk Kul area. In 1856–57, the prominent geographer Pyotr Petrovich Semyonov-Tian-Shansky (1827–1914) became the first European to conquer the peaks of the Tian Shan. His explorations radically changed the concept of the geological structure of Inner Asia. P.P. Semyonov-Tian-Shansky continuously

headed the Geographic Society from 1873 till 1914, initiating large numbers of challenging and productive expeditions. The first results of these explorations highlighted the necessity of pursuing not only geographic, but also ethnographic and historic goals.

Issues of historical geography were of immediate concern to many contemporary scholars. Universities offered courses on the history of geographical discoveries and historical toponymy. A tangible contribution to a study of the historical geography of China and Central Asia was made by the Sinologist Vasily Pavlovich Vasilyev (1818–1900), a quarter of his published work dealing with geography. V.P. Vasilyev was the first to suppose that in ancient times the rivers of Middle Asia were one system with the Syr Darya, being its tributaries. Regrettably, many of



Gorbacheva, Z.I., Petrov, N.A., Smykalov, G.F., Pankratov, B.I. "Russian Sinologist Academician Vasily Pavlovich Vasilyev (1818–1900)." In Essays on the History of Russian Oriental Studies. M., 1956, p. 296.

Vasilyev, V.P. "Central Asia and Major Mountain Ranges on the Territory of China." *JMPE*, Vol. 73, section 2, 1852, p. 127.

фии¹⁰. В.П. Васильев высказал предположение, что реки Средней Азии в древние времена составляли единую водную систему Сыр-Дарьи, являясь ее притоками¹¹. К сожалению, многие его статьи остались неопубликованными: «Очерк истории восточной части Средней Азии с X-го века до XII-го столетия» (23 л., 1857), «Список населенных местностей Восточного, или бывшего Китайского, Туркестана» (25 л.), «Кульджа (из путевых заметок)» (2 л.)¹².

В 1845 г. В.П. Васильев завершил перевод на русский язык сочинения Сюань-цзана «Да Тан Си юй цзи», который,

к сожалению, так никогда и не вышел в свет. Текст перевода хранится в фонде В.П. Васильева в ПФА РАН (12 тетрадей, общим объемом 334 л. с примечаниями и картами)¹³. Перевод сочинения Сюань-цзана, выполненный французским синологом С. Жюльеном (1799—1873) и послуживший основой для многих исследований Центральной Азии, был опубликован, в том числе и на русском языке, в 1851 г.

Выдающийся индолог Иван Павлович Минаев (1840—1890) создал труд по географии стран, отделяющих Россию от Индии¹⁴, и в 1880-х гг. выполнил научный перевод на русский язык «Книги» Марко Поло. Перевод был опубликован уже после смерти И.П. Минаева под редакцией В. В. Бартольда¹⁵.

Важным вкладом в отечественное востоковедение явились исследования Чокана Чингисовича Валиханова

(1835—1865), ќазахского ученого-просветителя, который участвовал в ряде экспедиций в Среднюю Азию и Китай. В 1856 г. он совершил поездку в Западный Китай и Кульджу. В октябре 1858 — марте 1859 гг. под видом купца-мусульманина он прошел через Тянь-Шань, жил в Кашгаре, где собрал ценный исторический и нумизматический материал и обратил внимание на древние буддийские памятники. По результатам поездок Ч.Ч. Валиханов написал две обширные статьи: «О Западном крае Китайской империи» и «О торго-

his articles remained unpublished, e.g. An Outline of the History of Eastern Middle Asia from the 10th to the 12th Century (23 p., 1857), A Record of Inhabited Areas of Eastern, or Former Chinese Turkestan (25 p.), and Kuldja (From Travel Notes) (2 p). 12

In 1845, V.P. Vasilyev finished his translation of *Da Tang Xi yu ji* by Xuan-zang, which, unfortunately, never saw the light. The text is preserved in the V.P. Vasilyev files in the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences; it includes 12 notebooks with total volume of 334 *fol.* com-

plete with commentaries and maps.¹³ Subsequent research into Central Asia, including works written in the Russian language, have relied on the French translation of Xuan-zang's work published in 1851 by the French Sinologist S. Julien (1799–1873).

Ivan Pavlovich Minayev, a prominent Indologist (1840–1890), brought out a book on the geography of the countries lying between Russia and India, ¹⁴ he also made, in the 1880s, an academic translation of Marco Polo's *Travels* into Russian. His translation, revised by W.W. Barthold, ¹⁵ was published posthumously.

Investigations by Chokan Chingisovich Valikhanov (1835–1865), a Kazakh scientist and educator who participated in a number of expeditions to Middle Asia and China, made a significant contribution to Russian Oriental studies. In 1856, he travelled to Western China and Kuldja.

Between October 1858 and March 1859, disguised as a Muslim trader, he traversed the Tian Shan, stayed in Kashgar, where, apart from accumulating abundant historic and numismatic material, he made a record of ancient Buddhist monuments. Based on the results of his journey, he wrote two extensive articles, *On the Western Regions of the Chinese Empire* and *On Trade in Kuldja and Chuguchak*, which were not published until 1962. ¹⁶ Chokan Valikhanov was also interested in the history and religion of the countries he visited. He pointed



И.П. Минаев I.P. Minayev

Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956. С. 296.

Васильев В.П. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // ЖМНП. Т. 73, отд. 2. 1852. С. 127.

¹² ПФА РАН, Ф. 775. On. 1, ед. хр. 91, 147, 150.

¹³ Там же. Ед. хр. 8.

¹⁴ Минаев И.П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 год) // Известия ИРГО. 1879.

¹⁵ Минаев И.П. Путешествие Марко Поло / Пер. старофранц. текста. СПб., 1902.

¹² PBA RAS. Fond 775. Inv. 1, units 91, 147, 150.

¹³ Ibid., unit 8.

Minayev, I.P. "Information on the Countries by the Upper Reaches of the Amu Darya (up to 1878)." *Transactions of the IRGS*, 1879.

Minayev, I.P. 'The Travels' of Marco Polo. Translated from the Old French. SPb., 1902.

Valikhanov, Ch.Ch. Collected Works. Vol. 2. Alma-Ata, 1962, pp. 105-164.

вле в Кульдже и Чугучаке», которые впервые были опубликованы в 1962 г. 16. Ч.Ч. Валиханов интересовался историей и религией региона. Описывая окрестности Кучи, он указывал: «В горах этих много пещер, и летом видны огни. В одной пещере есть изсеченные буддийские кумиры. Их устройство относят к династии Тан» 17.

Во второй половине XIX в. на основе работ Н.Я. Бичурина, а также европейских ученых А. Гумбольдта, Ж.-П. Абель-Ремюза и С. Жюльена были написаны крупные синтезирующие труды по истории, исторической географии и этнографии Центральной и Средней Азии. В 1869 и 1873 гг. как дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера был опубликован в двух выпусках исторический свод Василия Васильевича Григорьева (1818—1881) «Восточный, или Китайский, Туркестан» 18, в котором

были учтены не только исследования европейских авторов, но и античные, и арабо-персидские источники. В 1876 и 1888 гг. публикует свои труды по исторической географии Эмилий Васильевич Бретшнейдер (1833—1901)¹⁹.

Центральная Азия представляла собой важнейший объект военно-политических интересов России. С середины XIX в. на обширных просторах Евразии разыгралось соперничество двух империй — Российской и Британской, которые стремились к установлению контроля над обширными рынками сбыта и источниками сырья. Помимо России и Великобритании в «Большой игре» участвовали Китай и Афганистан, чьи государственные границы в то время не были еще четко определены. Разделяя сферы влияния, державы решали на геополитическом уровне вопрос создания условных географических границ, зон или конкретных государств. Географическая составляющая играла в этом случае ведущую роль, поскольку было очевидно, что создаваемые



out in describing the area in the vicinity of Kucha: "There are many caves in these mountains, their lights visible in the summertime. One cave has carved Buddhist idols in it. They are traced back to the Tang Dynasty" ¹⁷.

In the latter half of the 19th century, works by N.Ya. Bichurin as well as by A. von Humboldt, J.-P. Abel-Rémusat and S. Julien, inspired a number of thoroughly comprehensive resumptive treatises on the history, historical geography and ethnography of Central and Middle Asia. Eastern, or Chinese Turkestan,18 a historical compendium by Vasily Vasilyevich Grigoryev (1818-1881), appeared in two volumes in 1869 and 1873 as a supplement to Karl Ritter's Science of the Earth; not only was it based on research by European scholars, but it also drew on antique, Arab and Persian sources. Emil Vasilyevich Bretschneider (1833-1901)19 published his books on

historical geography in 1876 and 1888.

Central Asia was an important object of Russia's military and political interests. From the mid-19th century the enormous Eurasian space became the scene of rivalry between two empires, Russian and British, which aimed to gain control over new markets and sources of raw materials. Moreover, China and Afghanistan were also parties in 'The Great Game', as their boundaries were not clearly delineated at the time. By dividing the spheres of influence, these powers were trying to solve, at the geopolitical level, the problem of establishing conventional geographical boundaries, zones or state frontiers. The geographical factor was of paramount importance, because it was obvious that the prospective boundaries were to be conveniently fixed by particular natural contours.

Therefore, Russia's government and General Staff launched expeditions on a regular basis from the mid-19th century onward in order to carry out reconnaissance in Mongolia,

¹⁶ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата, 1962. С. 105— 144, 145—164.

Валиханов Ч.Ч. О Западном крае Китайской империи // Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата. 1962. С. 112.

Риттер [К]. Землеведение. Восточный, или Китайский, Туркестан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати пяти лет В.В. Григорьев. Вып. 1. СПб., 1869; вып. 2. СПб., 1873.

Bretschneider, E. Notices of the Medieval Geography and History of Central and Western Asia. SPb., 1876; Bretschneider, E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century. Vols. 1-2. SPb., 1888.

Valikhanov, Ch.Ch. "On the Western Regions of the Chinese Empire." In Collected Works. Vol. 2. Alma-Ata, 1962, p. 112.

Ritter, C. The Science of the Earth. Eastern or Chinese Turkestan. Translated by V.V. Grigoryev, with critical commentaries and added information from the sources published over the past thirty-five years. Issue 1. SPb., 1869. Issue 2, SPb., 1873.

Bretschneider, E. Notices of the Medieval Geography and History of Central and Western Asia. SPb., 1876; Bretschneider, E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century. Vols. 1-2. SPb., 1888.

границы должны были хорошо очерчиваться определенными природными контурами.

В связи с этим с середины XIX в. правительство России и Главный штаб регулярно организуют экспедиции с разведывательной целью в Монголию, Китай, районы Среднего Востока. Эти экспедиции были не просто продолжением политики России в регионе, но частью и движущей силой этой политики. К таким экспедициям относится миссия 1877 г. Алексея Николаевича Куропаткина (1848—1925)²⁰. При определении в 1883 г. границы с Китаем Ферганской и Семиреченской областей, вошедших в состав Российской империи, было установлено, что представители китайской и русской администрации раз в три года будут патрулировать границу для ее инспектирования и обновления пограничных знаков. В первую такую поездку в 1885 г. отправился поручик Бронислав Людвигович Громбчевский (1855—1905), представивший подробный отчет²¹. Хотя задачей Б.Л. Громбчевского было составление очерка вооруженных сил и военных укреплений Кашгарии, он приложил к нему подробные описания маршрутов и несколько карт района. Позже многие путешественники пользовались картографическими и маршрутными данными этих разведывательных экспедиций, отличавшимися высокой точностью.

Присоединив к своим территориям в 1867 г. Западный Туркестан, Россия вплотную приблизилась к границам Британской Индии. Пытаясь воспрепятствовать продвижению России в Центральной Азии, Великобритания в 1869 г. выступила с инициативой о начале переговоров с Россией о разделе сфер влияния и создании буферной зоны между владениями двух держав. В соответствии с соглашением («взаимопониманием») 1872—1873 гг. граница Афганистана стала рубежом, разделяющим сферы влияния между державами. Но в 1876 г. Россия присоединила Коканд и постепенно стала утверждаться на Восточном Памире. Захват же ряда территорий, примыкающих к Бадахшану, афганским эмиром Абдуррахман-ханом в 1883 г. отражал интересы Великобритании. В дальнейшем, выдвигая свои форпосты как можно дальше, обе империи старались основательно исследовать лежавшие в сфере их интересов территории, чтобы иметь материал для будущих переговоров²².

Ведя систематическую топографическую и картографическую работу в регионе, Главный штаб Российской импе-

China and regions of the Middle East. Not only did they result from Russia's policy in the Asian region, but they determined that policy. The 1877 mission headed by Aleksei Nikolayevich Kuropatkin (1848-1925)²⁰ was part of the same program. When, in 1883, the border between China on the one hand and the Fergana and Semirechensk Regions, which had recently joined the Russian Empire, on the other, was being established, it was decided that the representatives of the Chinese and the Russian administrations were to inspect the border once in three years and renew the border marks. The first of these inspection trips was entrusted in 1885 to Lieutenant Bronisław Ludwigovich Grąbczewski (1855-1905), who compiled a detailed report.²¹ Although his immediate task was to provide an account of armed forces and military fortifications in Kashgaria, he also submitted his detailed route survey and a few maps of the region. In subsequent years many travellers relied on the cartographic evidence and itineraries provided by those expeditions, finding them highly accurate.

Having annexed Western Turkestan in 1867, Russia came close to the frontiers of British India. In 1869, Britain tried to prevent Russia's expansion in Central Asia by proposing an initiative to start negotiations with Russia on dividing the spheres of influence and creating a buffer zone between the possessions of the two powers. The Russo-British agreement ('mutual understanding pact') of 1872–73 delineated Afghan border as the demarcation line between the two empires' spheres of influence. In 1876, however, Russia annexed Kokand and began gaining a foothold in the Eastern Pamir. Meanwhile, the Afghan emir Abdurrehman-khan took over a number of territories adjoining Badakhshan in 1883, an occupation that met the interests of Great Britain. Henceforth, both empires strove, by advancing their outposts, to explore the disputed territories still further so as to secure a basis for future negotiations.²²

In systematically carrying out a topographic and cartographic survey in the region, the Russian Empire's General Staff did not limit its goals to military intelligence; it also ordered its commissioners to map the ruins of old temples and fortresses. Nikolai Nikolayevich Obruchev (1830–1904), Head of the General Staff, initiated the establishment of the Scientific Military Committee of the General Staff, which published Collections of Geographic, Topographic and Statistical

²⁰ [Куропаткин А.Н.] Очерки Кашгарии генерального штаба подполковника А. Куропаткина. СПб., 1878.

²¹ Отчет о поездке в Кашгар и южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Гронбчевского [Громбчевского]. (Печатается на правах рукописи. Секретно). [Фергана, б. г.].

Лужецкая Н.Л. Материалы к истории разграничения на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд А.Е. Снесарева): «Отчет Генерального штаба капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане» (1893) // Письменные памятники Востока. 2005. № 2 (3). С. 135.

²⁰ [Kuropatkin, A.N.] Essays on Kashgaria by Lieutenant Colonel A.N. Kuropatkin of the General Staff. SPb., 1878.

Report on the 1885 Trip to Kashgar and Southern Kashgaria by Lieutenant B.L. Grabczewski (Grombchevsky), senior special commissioner under the Military Governor of the Fergana Region (Not for publication. Classified). [Fergana, s. a.].

Luzhetskaya, N.L. "Materials on Pamir Delineation in the Archives of Orientalists Housed in PB IOS RAS (Fond A.E. Snesareva): Report of Captain Vannovsky of the General Staff on Reconnoitering in Rushan (1893). In Written Monuments of the Orient. No 2 (3), 2005, p. 135.

рии выполнял не только военные и разведывательные задачи, но и вменял командированным лицам в обязанность заносить на карты развалины древних храмов и крепостей. По инициативе начальника Главного штаба Николая Николаевича Обручева (1830—1904) был организован Военноученый комитет Главного штаба, который издавал «Сборники географических, топографических и статистических материалов по Азии». К началу Первой мировой войны вышли из печати 87 выпусков этого сборника.

В 1867—1869 гг. состоялось первое путешествие в Уссурийский край Николая Михайловича Пржевальского (1839—1888). В 1870—1880 гг. этот великий путешественник совершил четыре экспедиции в Центральную Азию, в общей сложности пройдя более тридцати тысяч километров. В 1870—1873 гг. Н.М. Пржевальский отправился в Монголию, Китай и Тибет, в 1876—1877 гг. — в Джунгарию и к оз. Лопнор, в 1879—1880 гг. совершает первую и в 1883—1885 гг. вторую Тибетские экспедиции. Научные результаты этих экспедиций были представлены в ряде книг, дающих подробную и яркую картину природы, климата, рельефа, животного и растительного мира изученных территорий. Сам Н.М. Пржевальский скромно называл свои путешествия «научными рекогносцировками», так как он впервые посещал те области Азии, где до него никто из исследователей не был. Он открыл для европейцев путь в Центральную Азию, возбудил интерес к этому труднодоступному региону и таким образом способствовал осуществлению больших и регулярных экспедиций.

Н.М. Пржевальский, впервые положивший на карту тысячи километров неизведанных земель и десятки горных цепей, охарактеризовал свое время как «эпический» период путешествий по Центральной Азии. В своей последней книге он изложил научное завещание, указав, в частности, что «дальнейшие исследования Центральной Азии сами собой распадаются на два отдела: научные рекогносцировки оставшихся неизвестных местностей и детальное изучение более доступных или уже разведанных быстролетными путешествиями стран»²³. Считая наиболее перспективным в географическом и естественнонаучном отношениях изучение Тибета, он указал на необходимость специальных археологических изысканий в ряде местностей Восточного Туркестана (в особенности в Черчене), а также сделал ряд археологических наблюдений: «Еще красноречивее свидетельствуют путешественнику о том же уменьшении живительной влаги и о прогрессе мертвящих сил пустыни засыпанные песком некогда цветущие оазисы и города. Про многие из них известно из китайских летописей; некоторые мы видели сами; наконец, об иных слышали от туземцев,

In 1867-69, Nikolai Mikhailovich Przhevalsky (1839-1888) made his first journey to the the Ussuri region. This prominent traveller undertook four expeditions to Central Asia between 1870 and 1880, covering a total of thirty thousand kilometers. In 1870-73 he went to Mongolia, China and Tibet, then in 1876-77, to Jungaria and Lop Nor Lake; in 1879-80, he led the First Tibet Expedition and, in 1883-85, the Second Tibet Expedition. He wrote a number of books giving a scholarly outline of his expeditions and containing detailed and vivid descriptions of local nature, climate, relief, as well as of animal and plant life. Przhevalsky himself modestly described his journeys as 'scientific reconnoitering'; indeed, the Asian territories he visited were previously unexplored by scientists. It was he who introduced Europeans to Central Asia, stimulated an interest in regions difficult of access and therefore contributed to launching an extensive and regular expedition activity.

Przhevalsky, who was the first to chart thousands of kilometers of previously unexplored lands and dozens of mountain chains, described his time as an 'epic' period of Central Asian journeys. His last book contains what might be described as his scientific will; he pointed out, in particular, that further studies of Central Asia should naturally take two directions: "scientific reconnoitering of the still unexplored areas and in-depth investigation of the more accessible countries or those that have been but superficially reconnoitered by short journeys."23 Giving top priority to a study of Tibet in terms of geography and natural science, he emphasized the necessity of specialized archaeological investigations in some areas of Eastern Turkestan, particularly in Cherchen, and made a number of comments pertaining to archaeology: "What gives the traveller even more telling evidence of the depletion of life-giving water supplies and the advance of the deadly forces of the desert is the sight of once flourishing oases and sand-buried towns. We know many of those from Chinese chronicles and saw some ourselves; in fact, we heard the natives say that in olden days the area limited by Khotan, the Aksu and Lop Nor used to have 23 towns and 360 villages, now gone. At that time one was able, legend has it, to reach Lop Nor from the town of Kucha by stepping 'on the house roofs', so densely populated was the Tarim Basin, now deserted. Even today, the residents of Khotan, Keriya, Niya and other still surviving oases venture into the sands annually, during autumn and winter, in search of the ruins of old settlements uncovered by storms. They say that gold and silver objects can be found there on occasion. One can also stumble on an old

Materials on Asia. Eighty-seven volumes were published before the beginning of World War I.

²³ Пржевальский Н.М. Четвертое путешествие в Центральную Азию. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование Северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 64.

Przhevalsky, N.M. The Fourth Journey to Central Asia. From Kiakhta to the Source of the Yellow River. Investigation of the Northern Outskirts of Tibet and the Trip via Lop Nor along the Tarim Basin. SPb., 1888, p. 64.

которые говорят, что в старину на площади между Хотаном, Аксу и Лопнором лежали 23 города и 360 селений, ныне не существующих. В то время, по местному преданию, можно было из г. Куча пройти на Лопнор "по крышам домов" — так густо сидело население на пустынном ныне Тариме. Еще и теперь жители Хотана, Керии, Ния и других пока уцелевших оазисов ежегодно осенью и зимой ходят в пески искать оголенные бурями остатки древних поселений. Там, как говорят, находят иногда золото и серебро. Попадаются даже уцелевшие сакли, а в них одежда и войлоки; то и другое обыкновенно истлело до того, что от прикосновения рукой рассыпается в пыль»²⁴.

В 1879 г. Кульджу и Турфан посетил ботаник Арнольд Эдуардович Регель, чья экспедиция 1876—1879 гг. по Туркестанскому краю имела главным образом естественнонаучные цели²⁵. Тем не менее, в своем отчете среди результатов поездки А.Э. Регель упомянул «находки древних, по-видимому, арийских развалин около Турфана, Санджи, а также Манаса»²⁶. Он снял планы некоторых археологических памятников, в том числе древнего городища Идикут-шари. С.Ф. Ольденбург назвал А.Э. Регеля первым русским ученым, который обратил внимание на древности Восточного Туркестана²⁷.

Подлинное значение обширного региона Восточного Туркестана как древней контактной зоны между цивилизациями Востока и Запада впервые оценил И.П. Минаев. В рецензии на отчет об экспедиции Н.М. Пржевальского в южную часть Таримского бассейна он писал: «Свидетельства очевидцев, начиная с V века по Р. X., указывают на господство здесь иноземной цивилизации; все, что было здесь до этого, пока скрыто для современного историка судеб человечества. Сохранившиеся показания древних очевидцев поражают, однако же, крайнею, как бы предвзятою односторонностью; буддийские паломники как будто хотели видеть только одно, и ни одним словом они не обмолвились о том, что рядом с господством индийской цивилизации, на что они постоянно указывают, здесь могли существовать и другие культуры, самостоятельные и заносные» 28. И.П. Минаев высказался о необходимости снаряжения обстоятельной



С.Ф. Ольденбург S.F. Oldenburg

saklya dwelling containing clothes and felts, both usually so decayed that they turn to dust when touched."24

In 1879, the botanist Arnold Eduardovich Regel visited Kuldja and Turfan, his expedition to the Turkestan region in 1876—79 organized primarily for natural history purposes. However, his report mentioned, in particular, "finds of ancient, most likely Arian ruins near Turfan, Sandja and Manas." He drew up plans of a few archaeological monuments, including that of the ancient Idiqutshari site. S.F. Oldenburg referred to Regel as the first Russian to take notice of Eastern Turkestan's antiquities. 27

I.P. Minayev was the first to recognize the real significance of vast Eastern Turkestan as an ancient contact zone between Eastern and Western civilizations. He wrote in his review of N.M. Przhevalsky's report of the latter's expedition to the southern part of the Tarim Basin: "First-hand evidence ever since the 5th century AD has revealed the dominance of a foreign civilization in the area; whatever existed there previously is

²⁴ Там же. С. 356.

Regel, A. Reisen in Central-Asien. 1876—1879. Mit. Bd. 25. SPb.,
1879; Mit. Bd. 26. SPb., 1880; Regel A. Meine Expedition nach Turfan,
1879. Mit. Bd. 27. SPb., 1881.

Регель А.Э. Путешествие в Турфан. Читано в Отделении математической и физической географии ИРГО 10 марта 1881 г. Отд. оттиск из Известий ИРГО за 1881 г. Т. 17. Вып. 4. С. 16.

Ольденбург С.Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1—2. С. 25.

²⁸ Минаев И.П. Забытый путь в Китай. [Рец. на:] Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима Н.М. Пржевальского. СПб., 1888 // ЖМНП. Ч. 264. 1889, № 7. Отд. II. С. 177.

²⁴ *Ibid.*, p. 356.

Regel, A. Reisen in Central-Asien. 1876-1879. Mit. Bd. 25. SPb., 1879; Mit. Bd. 26. SPb., 1880; Regel, A. Meine Expedition nach Turfan, 1879. Mit. Bd. 27. SPb., 1881.

Regel, A.E. "Journey to Turían: Presented at the session of the Mathematical and Physical Geography Division of the IRGS on 10 March 1881." Printed impression from *Transactions of the IRGS*. Vol. 17 (1881). Issue 4, p.16.

Oldenburg, S.F. "Russian Archaeological Investigations in Eastern Turkestan." Bulletin of the Kazan Museums. No 1-2 (1921), p. 25.

археологической экспедиции в Восточный Туркестан, подчеркнув, что «вся страна от Лопнора до Хотана ждет специальных разысканий в историко-археологическом отношении»²⁹.

Дело Н.М. Пржевальского продолжили его ученики и последователи: Михаил Васильевич Певцов (1843—1902), Всеволод Иванович Роборовский (1856—1910), Григорий Николаевич Потанин (1835—1920), Петр Кузьмич Козлов (1863—1935), Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860—1936).

Тибетская экспедиция М.В. Певцова 1889—1890 гг., которая была осуществлена по плану трагически оборвавшегося путешествия Н.М. Пржевальского, «имела главную заслугу в установлении первой настоящей карты Южного Туркестана»³⁰, и при этом она обратила более

пристальное внимание на памятники ушедших цивилизаций региона. Кроме М.В. Певцова в ней принимали участие В.И. Роборовский, П.К. Козлов, а также геолог и горный инженер Карл Иванович Богданович (1864—1947). Назначенный в декабре 1888 г. начальником экспедиции вместо Н.М. Пржевальского, М.В. Певцов обстоятельно подготовился к поездке. За три месяца он проработал все доступные источники по истории Восточного Туркестана: сочинения Н.Я. Бичурина, К. Риттера, Ч.Ч. Валиханова, Р.Б. Шоу, Т.Д. Форсайта, Г.В. Беллью, А.Н. Куропаткина, Н.М. Пржевальского, Б.Л. Громбчевского, Н.Л. Зеланда, Н.Ф. Петровского. Кроме того, М.В. Певцов воспользовался консультациями китаеведов Э.В. Бретшнейдера и В.П. Васильева. «Мне много помог, — пишет М.В. Певцов, — наш известный синолог, доктор Э.В. Бретшнейдер, скопировавший для меня из китайского атласа издания 1863 г. карты Восточного Туркестана, Чжунгарии и Северо-Западного Тибета в масштабе 26 верст в дюйме с переводом всех названий на русский язык. Кроме того, он сделал для меня извлечение из новейшей китайской географии "Си-юй-ту-чжи" о горах В[осточного] Туркестана и составил список сочинений европейских авторов об этой стране и о Тибете. <...> Что же касается Северо-Западного Тибета, то об этой стране не только в европейских, но и в китайских источниках, просмо-



still hidden from the present-day chronicler of human history. Extant ancient eyewitness accounts seem to be extremely biased and, as it were, deliberately one-sided; Buddhist pilgrims would see only one side and it seems never as much as hinted that the dominance of Indian civilization, which they often emphasize, might parallel other local cultures, indigenous or imported."²⁸ In speaking about the need to launch a reliable archaeological expedition to Eastern Turkestan, Minayev pointed out that "the whole area between Lop Nor and Khotan is due for a focused historic and archaeological study."²⁹

N.M. Przhevalsky's pursuit was taken up by his students and followers, Mikhail Vasilyevich Pevtsov (1843–1902), Vsevolod Ivanovich Roborovsky (1856–1910), Grigory Nikolayevich Potanin (1835–

1920), Pyotr Kuzmich Kozlov (1863–1935) and Grigory Efimovich Grumm-Grzhimaylo (1860–1936).

M.V. Pevtsov's Tibetan expedition of 1889–90, based on the plan of Przhevalsky's tragically terminated journey, "succeeded foremost in drawing the first real map of Southern Turkestan"30; moreover, it gave considerable attention to relics of lost civilizations in the area. Besides Pevtsov, the expedition included V.I. Roborovsky, P.K. Kozlov and Karl Ivanovich Bogdanowicz (1864-1947), a geologist and mining engineer. M.V. Pevtsov, who was appointed leader of the expedition in December 1888, after N.M. Przhevalsky's death, had prepared for the journey very thoroughly. He had taken three months to study all available sources on the history of Eastern Turkestan, e.g. writings by N.Ya. Bichurin, Karl Ritter, Ch. Valikhanov, R.B. Shaw, T.D. Forsyth, H.W. Bellew, A.N. Kuropatkin, N.M. Przhevalsky, B.L. Grąbczewski, N.L. Zeland and N.F. Petrovsky. Furthermore, he consulted the Sinologists E.V. Bretschneider and V.P. Vasilyev. M.V. Pevtsov wrote: "Of great help to me was our famous Sinologist, Doctor E.V. Bretschneider, who copied for me from a 1863 Chinese atlas the 26-versts-to-an-inch maps of Eastern Turkestan, Jungaria and Northwestern Tibet and supplied Russian translation of all place-names. Moreover, he provided me with an excerpt on E[astern] Turkestan from a recent Chinese geogra-

²⁹ Там же. С. 189.

³⁰ Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // ЖМНП. Ч. 353. 1904, № 6. Отд. 2. С. 384.

Minayev, I.P. "A Forgotten Route to China." Review of N.M. Przhevalsky's *The Fourth Journey to Central Asia...* (see note 23). JMPE. Part 264 (1889). No 7, section 2, p. 177.

²⁹ *Ibid.*, p. 189.

Oldenburg, S.F. "An Inquiry into the Monuments of Ancient Cultures in Chinese Turkestan." *JMPE*. Part 353 (1904). No 6, section 2, p. 384.



П.К. Козлов, Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский с участниками экспедиции 1882 г. Архив Русского Географического общества

P.K. Kozlov, N.M. Przhevalsky, V.I. Roborovsky with the participants of the 1882 expedition Archives of the Russian Geographic Society

тренных нашими синологами Э.В. Бретшнейдером и В.П. Васильевым, не нашлось никаких сведений. В рукописном географическом обозрении Тибета, составленном по тибетским источникам академиком В.П. Васильевым³¹, которым он любезно разрешил мне попользоваться, я тоже не нашел никаких сведений о северо-западной части этой страны, кроме общего указания, что она очень высока и отличается суровым климатом »³².

Во время экспедиции М.В. Певцов вел опросы местного населения, собирая сведения о древних памятниках региона: «В Яркенде я пытался также разузнать что-нибудь о развалинах пустыни Такла-Макан. Аксакал Насыр-Джан-ходжа, проживший в этом городе 18 лет, сообщил мне, что, по уверению многих знакомых ему туземцев, в 40 верстах к востоку от Яркенда, на окраине пустыни, находятся развалины, называемые Конё-татар и занимающие обширное пространство. В них ясно заметны основания домов и сохранились пни от больших деревьев, осенявших некогда поселение.

During his expedition M.V. Pevtsov would talk to the natives so as to elicit information about ancient monuments in the region: "In Yarkend I was also trying to find out something about the Takla Makan Desert ruins. The *aksakal* Nasyr-Dzhan-Hodjah, who had been a resident of that town for eighteen years, told me that, according to many local people of his acquaintance, 40 *versts* east of Yarkend on the edge of the desert there are sprawling ruins called Konö-Tatar. The base-

phy book called *Xi yu tu zhi* and made up a list of European books and articles on that country and on Tibet. ... As for Northwestern Tibet, no mention of it has been found in European or Chinese sources scanned through by our Sinologists E.V. Bretschneider and V.P. Vasilyev. A handwritten geographical survey compiled by Academician V.P. Vasilyev based on Tibetan sources, ³¹ which he kindly allowed me to use, doesn't contain any information on the northwestern part of the country either, except for the general remark that it is very elevated and distinguished by extreme climate." ³²

³¹ Работа была паписана в 1840-х гг., опубликована в 1895 г.: Васильев В.П. География Тибета. Перевод из тибетского сочинения Миньчжул Хутухты. СПб., 1895.

³² Певцов М.В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 гг. СПб., 1895. С. 10—11.

The work was written in the 1840s and published in 1895: Vasilyev, V.P. The Geography of Tibet. Translation of extracts from the Tibetan treatise by the Mingrol Khutukhta. SPb., 1895.

Pevtsov, M.V.A Journey through Eastern Turkestan, Kun Lun, the Northern Edge of the Tibetan Plateau and Jungaria in 1889 and 1890. SPb., 1895, pp. 10-11.

В этих развалинах туземцы находят домашнюю утварь, обломки разных орудий, а иногда золотые и серебряные вещи»³³. В своем отчете М.В. Певцов упомянул несколько древних памятников, которые он обнаружил близ Хотана, Черчена и Урумчи³⁴.

Большой вклад в исследование Центральной Азии, в особенности Монголии, внес Г.Н. Потанин, который в 1876—1877 и 1879—1880 гг. совершил поездки в северо-западную Монголию и Туву, в 1884—1886 и 1892—1893 гг. — в Северный Китай, Восточный Тибет и Центральную Монголию, в 1899 г. — на Большой Хинган. В деятельности Г.Н. Потанина изучение природы сочеталось с изучением этнографии. Собранные во время экспедиций обширные материалы по культуре, фольклору и народному творчеству монгольских и тюркских народов были позже обобщены Г.Н. Потаниным в ряде работ.

В 1889 г. северные районы Восточного Туркестана посетил Г.Е. Грумм-Гржимайло, который интересовался древностями края и сделал подробное описание развалин Ассашар, а также упомянул ряд древних буддийских памятников³⁵. В 1890 г. в Восточном Туркестане побывал Николай Федорович Катанов (1862—1922), доставивший материалы по тюркским языкам. Были организованы исследовательские экспедиции в Тибет О.М. Норзунова в 1898—1901 и Г.Ц. Цыбикова в 1899—1902 гг. Гомбожаб Цыбикович Цыбиков (1873—1930) посетил Гумбум, Лавран, дошел до Лхасы, откуда через Ургу и Кяхту вернулся в Россию. Собранная им большая коллекция оригинальной тибетской литературы была передана в Азиатский музей Академии наук. Отчет о путешествии Г.Ц. Цыбикова был опубликован в 1919 г. 36 В 1889 г. Н.М. Ядринцев обнаружил в Северной Монголии рунические памятники, изучение которых было целью финской экспедиции (1889) И.Р. Аспелина и Орхонской экспедиции (1890) В.В. Радлова.

Главной целью экспедиции В.А. Роборовского и П.К. Козлова 1893—1895 гг. было топографическое и метеорологическое обследование Люкчунской (Таримской) впадины к югу от Турфана. Наряду с обширными естественнонаучными коллекциями экспедиция доставила в Санкт-Петербург рукописи и предметы искусства из Турфана. В предисловии к изданию материалов экспедиции В.И. Роборовский отметил, что в данный отчет не вошли «сведения относительно собранных экспедицией монет, бурханов, образцов старинной местной письменности, рисунков, гон-

ments of houses are quite prominent there; there are also stumps of the big trees that had once overshadowed the settlement. The natives find household utensils, fragments of various implements and sometimes even gold and silver coins in the ruins." ³³ In his report M.V. Pevtsov mentioned a few ancient monuments he had discovered near Khotan, Cherchen and Urumqi. ³⁴

G.N. Potanin made a great contribution to the study of Central Asia and particularly Mongolia. He went to Northwestern Mongolia and Tuva in 1876–77 and 1879–80, to Northern China, Eastern Tibet and Central Mongolia in 1884–86 and 1892–93, and to the Greater Khingan in 1899. In his activities he combined a study of natural history and a study of ethnography. His subsequent publications outlined the wealth of material on culture, folklore and popular arts and crafts of Mongolian and Turkic peoples amassed during his expeditions.

In 1889, G.E. Grumm-Grzhimaylo, who was interested in local sites, visited the northern parts of Eastern Turkestan and provided a detailed description of the Assashar ruins while also mentioning a number of ancient Buddhist monuments. 35 Nikolai Fyodorovich Katanov (1862–1922) visited Eastern Turkestan in 1890 and delivered materials on Turkic languages. Exploratory expeditions to Tibet were led by O.M. Norzunov in 1898-1901 and G.Ts. Tsybikov in 1899-1902. Gombozhab Tsybikovich Tsybikov visited Kumbum and Labrang, reached Lhasa and returned to Russia via Urga and Kiakhta. He put together a large collection of original Tibetan literature, which entered the Asiatic Museum of the Academy of Sciences. The report on G.Ts. Tsybikov's journey was published in 1919.36 In 1889, N.M. Yadrintsev discovered runic monuments in Northern Mongolia; their study was the objective of J.R. Aspelin's Finnish expedition in 1889 and V.V. Radloff's Orkhon expedition in 1890.

The main purpose of the 1893–95 expedition undertaken by V.A. Roborovsky and P.K. Kozlov was the topographic and meteorological investigation of the Lukchun (Tarim) Depression south of Turfan. In addition to large natural science collections, the expedition brought to St. Petersburg a number of manuscripts and art objects from Turfan. In his preface to the publication of the expedition's materials V.A. Roborovsky pointed out that the report did not include "information about the coins, *burkhan* images, samples of ancient local scripts, drawings, pottery, ornaments, etc. that the expedition gathered in ancient towns throughout the Lukchun Depression or copied

³³ Там же. С. 88.

³⁴ Там же. С. 106—107, 120—121, 225, 255, 336—337.

Брумм-Гржимайло Г.Е. Вдоль южного Тянь-Шаня. Т. 1. СПб., 1896.
С. 273, 294—296, 323.

³⁶ Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899—1902 гг. Пг., 1919.

³³ *Ibid.*, p. 88.

³⁴ *Ibid.*, pp. 106–107, 120–121, 225, 255, 336–337.

³⁵ Grumm-Grzhimaylo, G.E. Along the Southern Tian Shan. Vol. 1. SPb., 1896, pp. 273, 294–296, 323.

Tsybikov, G.Ts. A Buddhist Pilgrim in Tibet's Sacred Places. On the Notes Made in 1899–1902. Petrograd, 1919.

чарной работы, украшений и пр. из древних городов Люкчунской впадины и книг местных языков. Оказавшиеся в этом собрании обрывки уйгурских рукописей, найденных в Люкчунской котловине в развалинах города Идыгот-шари и в пещерах Туёка, представили столь значительный интерес, что побудили Императорскую Академию наук снарядить туда специальную экспедицию с Д.А. Клеменцем во главе»³⁷.

Большой вклад в научное освоение региона внесли русские дипломаты: генеральный консул в Кашгаре Николай Федорович Петровский (1837—1908), его преемник на этом посту Сергей Александрович Колоколов (1868—1921), консул в Кашгаре Сергей Васильевич Соков, консул в Урумчи Николай Николаевич Кротков (1869—1919), Иван Петрович Лавров, секретарь консульства в Урумчи

Яков Яковлевич Лютш, секретарь консульства в Кульдже Алексей Алексеевич Дьяков, консулы Борис Васильевич и Владимир Васильевич Долбежевы, врач консульства в Урумчи Александр Иванович Кохановский.

Н.Ф. Петровский, находясь на службе в Туркестане с 1867 г., занимался коллекционированием рукописей, предметов искусства, покупал их у местного населения, проводил археологические раскопки. Как писал С.Ф. Ольденбург, «блестящие находки Н.Ф. Петровского начали собою новую эру в археологическом изучении Восточного Туркестана» 38. Кроме того, Н.Ф: Петровский собирал этнографический и фольклорный материал. В 1891 г. Восточное отделение РАО обратилось к Н.Ф. Петровскому с запросом о древностях в Кашгарии. К ответу Н.Ф. Петровского было приложено несколько фотографий и «Кашгарская рукопись» — фрагменты «Лотосовой сутры» (Саддхармапундарика сутра) на санскрите, исследованием которой занялся Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934). Позже Н.Ф. Петровский постоянно отправлял в Санкт-Петербург новые материалы. Путешественники и исследователи обращались к нему за советами и консультациями и неизменно получали содействие. Н.Ф. Петровский обратил внимание на то, что под современными мазарами скрыты древние буддийские памят-



from books in indigenous languages. At the same time, the present selection includes fragments of Uighur manuscripts found in the Lukchun Depression, in the ruined city of Idiqutshari and the Toyuq caves; these have aroused so much interest that the Imperial Academy of Sciences sent a specialized expedition headed by D.A. Klementz to that region."³⁷

Russian diplomats who contributed greatly to academic research of the region included Nikolai Fyodorovich Petrovsky (1837–1908), Consul-General in Kashgar, his successor Sergei Aleksandrovich Kolokolov (1868–1921), Sergei Vasilyevich Sokov, Consul in Kashgar, Nikolai Nikolayevich Krotkov (1869–1919), Consul in Urumqi, as well as Ivan Petrovich Lavrov, Yakov Yakovlevich Lutsch, secretary of the consulate in Urumqi, Aleksei Alekseyevich

D'yakov, secretary of the consulate in Kuldja, Consuls Boris Vasilyevich and Vladimir Vasilyevich Dolbezhev, and Aleksandr Ivanovich Kokhanovsky, doctor of the consulate in Urumqi.

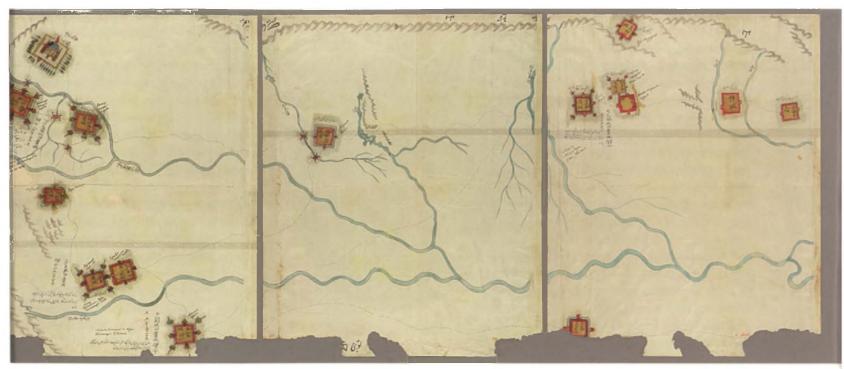
N.F. Petrovsky, who held his post in Turkestan from 1867, collected manuscripts and art objects, buying them from the local people and carrying out archaeological excavations. According to S.F. Oldenburg, "N.F. Petrovsky's brilliant finds ushered in a new era in the archaeological study of Eastern Turkestan."38 Furthermore, N.F. Petrovsky collected ethnographic and folklore material. In 1891, the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society (OBRAS) approached N.F. Petrovsky about Kashgarian antiquities. He enclosed with his reply a few photographs and the 'Kashgar Manuscript', fragments of the Lotus Sutra (Saddharmapundarīka-sūtra), in Sanskrit, which came to be studied by Sergei Fyodorovich Oldenburg (1863-1934). After that N.F. Petrovsky sent new materials to St. Petersburg on a regular basis. Travellers and scientists sought his advice and invariably benefited from his helpfulness. N.F. Petrovsky noticed that contemporary mazar tombs concealed ancient Buddhist relics; he also drew a detailed map of Eastern Turkestan marking the sites of ancient monuments known to him.

³⁷ Труды экспедиции Императорского Русского Географического общества по Центральной Азии. Ч. 1. Отчет начальника экспедиции В.И. Роборовского. СПб., 1900. С. 6.

³⁸ Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // ЖМНП. Ч. 353. 1904, № 6. Отд. 2. С. 373.

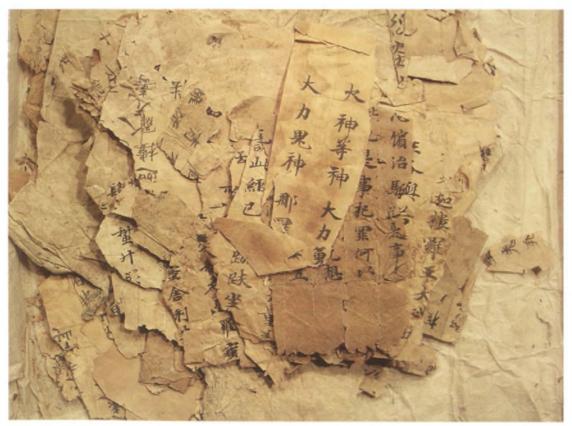
Records on the Expedition to Central Asia, by the IRGS. Part 1: Report of expedition leader V.I. Roborovsky. SPb., 1900, p. 6.

Oldenburg, S.F. "An Inquiry into the Monuments of Ancient Cultures in Chinese Turkestan." *JMPE*. Part 353 (1904). No 6, section 2, p. 373.

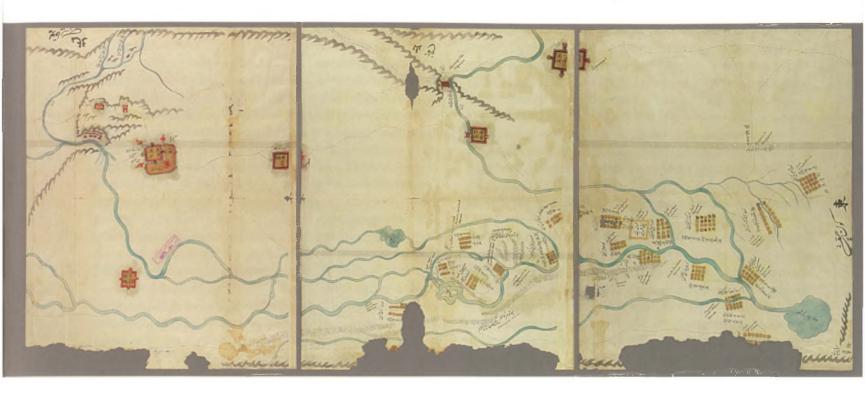


Карта Восточного Туркестана — «Карта Петровского». 1890-е гг. Бумага, акварель, тушь. 45 x 208 см. ИВР РАН, Т-50

Map of Easatern Turkestan - "Petrovsky's map". 1890s Indian ink and water-colour on paper. 45×208 cm. IOM RAS, T-50



Рукописи на китайском языке, доставленные А.И. Кохановским Manuscripts in Chinese brought by A.I. Kokhanovsky



ники, он составил также подробную рукописную карту Восточного Туркестана, на которой указал известные ему древние памятники.

Важно отметить, что результаты изучения Центральной Азии вызывали огромный интерес в российском обществе. В конце XIX — начале XX в. не только научное сообщество, но и широкая публика с нетерпением ожидали выхода исследовательских монографий по Востоку, в частности, по буддизму, а также переводов оригинальных сочинений с восточных языков. О том, что существовал даже некоторый голод на буддологическую литературу, свидетельствуют письма Г.Н. Потанина к С.Ф. Ольденбургу. В письме от 7 декабря 1890 г. Г.Н. Потанин, приглашая С.Ф. Ольденбурга в гости, пишет: «...пригласил также к себе и Вл.В. Лесевича, который тоже интересуется легендами об Авалокитешваре. Теми, что Вы дали, я очень доволен. Для меня они тем примечательны, что будто представляются отрывками из легенды о Аю-бодисатве, которую я записал в Монголии». В письме от 30 апреля 1898 г. Г.Н. Потанин просит указать некой знакомой даме, «какие руководства нужно приобрести для первоначального изучения санскрита». В письме от 20 октября 1900 г., в частности, сообщает: «Госпо]жа Пантелеева намерена устроить народные чтения о Будде и просила меня указать ей рисунки из жизни учителя, чтобы воспользоваться ими для воспроизведения на экране посредством волшебного фонаря. <...> Когда это чтение будет напечатано, то его можно будет устраивать и в сибирских городах Иркут[ской] губ[ернии] и Забайк[альской]

It should be noted that the results of Central Asian studies sparkled a keen interest in Russian society. In the late 19th and early 20th century, it was not only the academic community but also the public at large that was impatiently looking forward to the publication of new monographs on Asia, particularly on Buddhism, and translations of original works from Oriental languages. There was, as it were, a thirst for literature on Buddhist studies, as is shown by G.N. Potanin's letters to S.F. Oldenburg. In his letter dated 7 December 1890, Potanin writes this in asking S.F. Oldenburg to visit his place: "... I've also invited V.V. Lesevich, who is interested in legends about Avalokiteśvara, too. I'm fascinated by those you've lent me. What I find extraordinary is that they seem to resemble extracts from the Ayu-Bodhisattva legend I recorded in Mongolia." In his letter dated 30 April 1898, he asks for a lady of his acquaintance to be advised "on what manuals of elementary Sanskrit she should buy." His letter of 20 October 1900 says among other things: "M-me Panteleyeva intends to organize a public lecture on the Buddha and asks me to point out to her some drawings from the life of the Teacher in order that they may be projected onto a screen by means of a magic lantern... When the lecture gets published, the same kinds of lectures could also be given in the Siberian towns of the Irkutsk province and Transbaikalia region, and this would be conducive to inculcating the local population with religious tolerance."39

PBA RAS. Fond 208. Inv. 3, unit 480, ff. 1, 4, 5, 5v.

области, что очень желательно для внушения тамошнему населению веротерпимости» 39 .

Доставленный экспедицией В.И. Роборовского мешок с обрывками рукописей, подобранных и купленных в разных местах Турфанского оазиса, поступил в РГО в 1896 г. Секретарь его А.В. Григорьев обратился за консультацией к С.Ф. Ольденбургу по поводу содержания фрагментов. С.Ф. Ольденбург и А.О. Ивановский разобрали содержимое мешка и выделили обрывки китайских, уйгурских, санскритских и двуязычных (уйгурско-санскритских) рукописей. Материалы были представлены В.В. Радлову, и он сделал о них доклад в Академии наук. Отделение исторических наук и филологии назначило специальную Комиссию для разработки археологических коллекций Китайского Туркестана в составе В.В. Радлова, А.А. Куника, В.П. Васильева, К.Г. Залемана, В.Р. Розена с приглашением Д.А. Клеменца и С.Ф. Ольденбуга. По предложению Комиссии в 1898 г. в Турфан был командирован Дмитрий Александрович Клеменц (1848—1914) для исследования главным образом памятников Туюк-мазара и Идикут-шари. При подготовке экспедиции Комиссия обращалась к участникам экспедиции В.И. Роборовского. 4 (17) марта 1898 г. в открытке П.К. Козлову Д.А. Клеменц писал: «Ввиду громадного интереса, возбужденного открытиями Вашей экспедиции в Турфанском крае, Академия наук собрала особую комиссию для решения вопроса об организации экспедиции в Турфан. Академик Радлов покорнейше Вас просит по этому поводу пожаловать в [Азиатский] музей для переговоров, рассчитывая, что Вы не откажетесь указать некоторые подробности о местонахождении замеченных Вами древностей»⁴⁰.

Сроком экспедиции были назначены четыре месяца⁴¹, кроме Д.А. Клеменца в ней принимали участие его жена, Елизавета Николаевна Клеменц, и этнограф Михаил Степанович Андреев (1873—1948). Краткость пребывания в Турфане и отсутствие средств не дали Д.А. Клеменцу возможности вести раскопки, но он описывал и фотографировал памятники, снимал планы, делал кальки и эстампажи. Экспедиция ознаменовалась сенсационными в научном отношении открытиями, ее результаты были отражены в подробных записках Д.А. Клеменца⁴² и опубликованы им в кратком отчете⁴³.

In 1896, the Russian Geographic Society received a bag containing fragments of records picked up or bought by V.I. Roborovsky's expedition in various localities of the Turfan Oasis and delivered to St. Petersburg. Aleksandr Vasilyevich Grigoryev, Secretary of the Russian Geographic Society, approached S.F. Oldenburg about an expert assessment of the fragments. Having sorted out the contents of the bag, S.F. Oldenburg and A.O. Ivanovsky identified fragments of Chinese, Uighur, Sanskrit and bilingual Uighur-Sanskrit manuscripts. The materials were handed over to V.V. Radloff, who dealt with them in a paper presented to the Academy of Sciences. The History and Philology Department appointed an ad hoc Committee to investigate the archaeological collections of Chinese Turkestan; it included V.V. Radloff, A.A. Kunik, V.P. Vasilyev, C.G. Salemann and V.P. Rozen, with D.A. Klementz and S.F. Oldenburg acting as invited experts.

The Committee suggested that Dmitry Aleksandrovich Klementz (1848–1914) should be sent on a mission to Turfan in 1898 so as to specifically investigate the monuments of Toyuq-Mazar and Idiqutshari. In organizing his journey the Committee sought counsel from members of V.I. Roborovsky's expedition. Klementz wrote in a card posted to P.K. Kozlov on 4 (17) March 1898: "Considering the intense interest created by your expedition's discoveries in the Turfan area, the Academy of Sciences set up an *ad hoc* committee to take care of organizing an expedition to Turfan; therefore, Academician Radloff requests you to come to the [Asiatic] Museum for a talk, hoping that you would be kind enough to share some information about the location of the sites you had seen."⁴⁰

The term for expedition was set up for four months.⁴¹ Besides D.A. Klementz himself, it included his wife, Elizaveta Nikolayevna Klementz, and the ethnographer Mikhail Stepanovich Andreyev (1873–1948). The limited time in Turfan and lack of funding prevented D.A. Klementz from carrying out excavations; however, he was able to describe and photograph the monuments, draw their plans and make tracings and rubbings. The expedition yielded sensational scientific discoveries, its results presented in Klementz's detailed records⁴² and published in his brief report.⁴³

³⁹ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3, ед. хр. 480. Л. 1, 4, 5—5 об.

⁴⁰ Цит. по: Петров Н.А. Научные связи между востоковедами и путешественниками-географами в конце XIX и начале XX в. // Страны и народы Востока. Вып. І. М., 1959. С. 260.

⁴¹ Ольденбург С.Ф. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 году // Отдельный оттиск из 45-го тома «Известий Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества». Иркутск. 1917. С. 1—2.

⁴² АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 121—137.

⁴³ Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu S. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Hi. 1. SPb., 1899.

⁴⁰ Quoted in: Petrov, N.A. "Scientific Contacts between Orientalists and Traveller-Geographers in the Late 19th and Early 20th Centuries." Countries and Peoples of the East. Issue 1. M., 1959, p. 260.

Oldenburg, S.F. "D.A. Klementz's Expedition to Turfan in 1898." Printed Impression from vol. 45 of *Transactions of the East-Siberian Division of the IRGS*. Irkutsk, 1917, pp. 1–2.

⁴² AO IOM RAS. Fond 28. Inv. 1, units 121–137.

Wissenschaften über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu S. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Hf. 1. SPb., 1899.

27 января (9 февраля) 1900 г. Николай Иванович Веселовский (1848—1918), Д.А. Клеменц и С.Ф. Ольденбург представили на рассмотрение Восточного отделения Российского Архелогического общества (PAO) «Записку о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима», в которой они поставили задачу организации систематических экспедиций в Восточный Туркестан. Авторы «Записки» предлагали организовать две экспедиции, работающие последовательно. Первая, по их мнению, могла бы исследовать районы Турфана и Кучи, вторая — обширную территорию от Турфана до Хотана, включая местность близ оз. Лопнор и оазисы Черчен и Керия⁴⁴. Ученые отмечали: «Изучение Таримского бассейна, можно сказать даже открытие его для науки, составляет бесспорную заслугу русских исследователей. Труды Регеля, Пржевальского и его спутников, братьев Грумм-Гржимайло, Певцова и Богдановича, Обручева, Петровского, последней экспедиции Академии наук в сумме далеко превышают то, что сделано в этой области иностранцами; несмотря на то, что труды экспедиций Форсайта, графа Сечени, Янгхасбэнда и Дютрейля де Рена не таковы, чтобы с ними легко было конкурировать» 45. Экономическое и торговое развитие региона, в частности распространение земледелия, повлечет за собой, как указывали авторы «Записки», «беспощадное истребление памятников прошлого: штукатурка стен пойдет на удобрение полей, здания будут разбираться на постройку жилищ» 46.

Экспедиции должны были состоять из пяти человек, в том числе обязательно одного художника. Срок работы первой предполагался 8—10, второй — 12—15 месяцев. Для первой экспедиции была даже рассчитана смета в размере 17 000 рублей⁴⁷. 27 января 1900 г. «Записка» была обсуждена на заседании Восточного отделения РАО. Но соответствующий запрос, направленный в Министерство финансов, был отклонен⁴⁸, и проект организации большой экспедиции в Турфан был реализован только спустя долгих девять лет.

На XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в 1899 г. академики В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург сделали сообщение об обнаруженных экспедицией Д.А. Клеменца в Турфане древнеуйгурских и рунических памятниках, а также предметах искусства. В результате

On 27 January (9 February) 1900, Nikolai Ivanovich Veselovsky (1848–1918), D.A. Klementz and S.F. Oldenburg submitted a *Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes* for the consideration of the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society. They brought up the issue of sending expeditions to Eastern Turkestan on a regular basis, suggesting that two expeditions should be organized, to work continuously. The first one, they supposed, could explore the Turfan and Kucha regions, whereas the second could explore the vast territory between Turfan and Khotan, including the area near Lop Nor Lake and the Cherchen and Keriya Oases.⁴⁴

The scholars pointed in the 'Note': "The study of the Tarim Basin and, indeed, its very discovery as an object of scientific investigation is undoubtedly credited to Russian explorers. The sum total of works by Regel, Przhevalsky and his companions, the brothers Grumm-Grzhimaylo, Pevtsov and Bogdanowicz, Obruchev, Petrovsky and the Academy of Sciences' recent expedition far exceeds what has been done by foreign scholars, although the findings of the expeditions headed by Forsyth, Count Szécheni, Younghusband and Dutreuil de Rhins are such that they are hard to compete with." The economic and commercial development of the region, especially the spread of agriculture, was likely to entail what the 'Note' described as "a merciless destruction of old monuments, with their stucco used for fertilizer and the masonry knocked down to be used in building dwellings."

As has been said, the memorandum suggested organizing two expeditions. Either expedition was to be a team of five, unfailingly including one artist; the first expedition was to take eight to ten months and the second, twelve to fifteen months. Moreover, an estimate of 17,000 roubles was made for the first expedition.⁴⁷ On 27 January 1900, the 'Note' was discussed at the meeting of the Oriental Branch of the RAS. However, the Ministry of Finance rejected their request for funding,⁴⁸ and therefore the Turfan expedition project was not carried out until nine years later.

In 1899, Academicians V.V. Radloff and S.F. Oldenburg spoke at the 12th International Congress of Orientalists held in Rome on the ancient Uighur and runic monuments as well as art objects discovered by D.A. Klementz's expedition in Turfan.

⁴⁴ Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. Т. 13 (1900). Вып. 1. СПб., 1901. С. 17.

⁴⁵ Там же. С. 11.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 17.

⁴⁸ См. «Докладную записку министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о невозможности финансирования археологической экспедиции в Восточный Туркестан» от 20 июня 1900 г. [ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1, ед. хр. 4].

Veselovsky, N.I., Klementz, D.A., Oldenburg, S.F. "Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes." POBRAS. Vol. 13 (1900). Issue 1. SPb., 1901, p. 17.

⁴⁵ *Ibid*., p. 11.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 17.

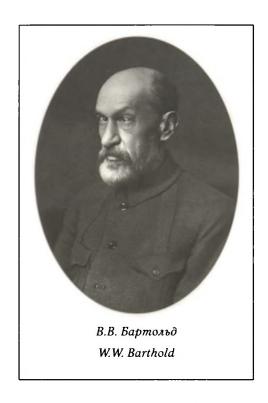
See Exception Report by Finance Minister S.Yu. Witte to Nicholas II on the impossibility of sponsoring an archaeological expedition to Eastern Turkestan, of 20 June 1900. PBA RAN. Fond 148. Inv. 1, unit 4.

2 (14) октября 1899 г. была создана Международная ассоциация для изучения Центральной и Восточной Азии, задачей которой было исследование этих регионов в географическом, этнографическом и археологическом отношении. Устав Ассоциации был утвержден 8 (21) сентября 1902 г. XIII Международным конгрессом в Гамбурге. Во многих странах были созданы комитеты по изучению региона, которые договорились о разграничении территорий для исследований европейцев в Восточном Туркестане. Но, несмотря на это, первая же после Конгресса экспедиция А. Грюнведеля нарушила соглашение.

В 1903 г. был создан Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСА), устав которого был высочайше утвержден 2 (15) февраля 1903 г. Председателем Комитета был Василий Васильевича Радлов (1837—1918), а товарищем председателя (вице-президентом) — С.Ф. Ольденбург. В состав бюро Комитета вошли Валентин Алексеевич Жуковский (1858—1918), Василий Владимирович Бартольд (1869—1930), Лев Яковлевич Штернберг (1861—1927). Комитет находился в ведении Министерства иностранных дел, имел право направлять своих представителей в места, где ведутся исследования, организовывать экспедиции, издавать бюллетени на русском и французском языках. Задача его состояла в том, чтобы «всячески содействовать изучению сохранившихся памятников как вещественных, так и духовных в соответствующих странах»⁴⁹.

Отношение властей к вновь созданному комитету первоначально было весьма благожелательным. 16 (29) января 1904 г. Николай II повелел отпустить РКСА «на производство археологических экспедиций в Восточном Туркестане в означенном году двенадцать тысяч рублей», а также предоставил Министерству иностранных дел право в течение четырех лет (начиная с 1905 г.) выделять «на тот же предмет» по семь тысяч рублей ежегодно⁵⁰. Но уже на следующий год «отпуск означенных сумм был приостановлен в виду особых финансовых затруднений»⁵¹, а в марте 1908 г. бюджетная комиссия Государственной думы внесла предложение о передаче РКСА в ведение Академии наук.

Это предложение принято не было, поскольку выполнение задач, поставленных перед РКСА, требовало значительной поддержки со стороны правительства. 18 (31) марта 1908 г. Предварительный временный комитет, созванный для составления проекта устава, принял единогласное решение о том, что Русский комитет должен состоять в ведении Министерства иностранных дел. По этому поводу в Думу было направлено письмо с изложением следующих обоснований этого решения: «1. Русский комитет как центральный



This entailed the establishment, on 2 (14) October 1899, of the International Association for Central and East Asia Exploration, which set itself the task of geographic, ethnographic and archaeological investigation of the aforementioned regions. The Association's charter was approved on 8 (21) September 1902 by the 13th International Congress of Orientalists in Hamburg. National committees set up for similar purposes in many countries agreed on dividing Eastern Turkestan territories for investigation by Europeans. In spite of this, A. Grünwedel's expedition, organized immediately following the Congress, violated the agreement.

The Russian Committee for Middle and East Asia Exploration (RCMA) was established in 1903, its charter given imperial approval on 2 (15) February 1903. Vasily Vasilyevich Radloff (1837–1918) became the Committee's chairman, and S.F. Oldenburg, vice-chairman. The Committee's board consisted of Valentin Alekseyevich Zhukovsky (1858—1918), Vasily Vladimirovich Barthold (1869—1930), Lev Yakovlevich Sternberg (1861—1927). The Committee, affiliated to the Ministry of Foreign Affairs, had the right to send its representatives to areas under investigation, launch expeditions and publish proceedings in Russian and French. The task of the Russian Committee for Middle and East Asia Exploration was "to promote in every possible way a study of extant monuments, both material and spiritual, in the countries of exploration." 49

⁴⁹ Ольденбург С.Ф. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // ЖМНП, 1903. Ч. 349. № 9. Отд. 4. С. 45.

⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1, ед. хр. 49. Л. 46.

⁵¹ Там же. Л. 51.

⁴⁹ Oldenburg, S.F. "Russian Committee for Middle and East Asia Exploration." *JMPE*. Part 349 (1903). No 9, section 4, p. 45.

орган Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии, должен иметь возможность постоянно сноситься с иностранными правительствами, что удобнее всего выполнить, когда Комитет состоит при Министерстве иностранных дел. 2. Большая часть территории, подлежащей научным исследованиям Комитета, находится вне пределов Российской империи, и потому необходима постоянная непосредственная связь Комитета с соответствующими русскими посольствами и консульствами. 3. Русскому комитету приходится давать Министерству иностранных дел свои заключения по вопросам о допустимости тех или других ученых предприятий со стороны иностранцев на русской территории и русских ученых на территории иностранных держав Азии, для чего требуется непосредственная тесная связь с Министерством иностранных дел. Лица, составляющие бюро Комитета, должны пользоваться полным доверием г[осподина] министра иностранных дел, что вполне достигается при нынешней организации комитета, когда члены бюро утверждаются г осподином министром иностранных дел. 4. В качестве Центрального комитета Международного ученого союза Русский комитет для сохранения своего научного и международного авторитета должен в научном отношении быть совершенно независимым от каких бы то ни было других ученых учреждений»52.

Проблема финансирования осложняла экспедиционную работу, о чем Комитет постоянно сообщал в Министерство иностранных дел. В письмах на имя министра говорилось, что изменения финансирования «печально отразились на работах Комитета в Восточном Туркестане, сначала крайне замедлив его работы, а затем вынудив и вовсе прекратить их, чем воспользовались иностранцы, немцы и французы, которые снарядили по нашим следам колоссальные экспедиции. Если немедленно работы Комитетом не будут возобновлены, притом самым энергичны образом, всем долголетним изысканиям русских ученых в Восточном Туркестане грозит полное крушение» 53.

В это время РКСА изыскивал средства лишь на небольшие экспедиции в Центральную Азию. В 1903 г. в Восточную Монголию был командирован для исследования монгольских наречий Андрей Дмитриевич Руднев (1878—1958). В 1905—1907 гг. Кучу посетила экспедиция Михаила Михайловича Березовского, в которой принял участие его родственник, «рисовальщик» Николай Матвеевич Березовский, студент Института гражданских инженеров. М.М. Березовский посетил Субаши, Долдур-Охур, Таджит, Кумтуру, Кучу, Кызыл, Кириш. Он снимал акварельные

Initially the authorities were rather benevolent to the newly established Committee. On 16 (29) January 1904, Nicholas II ordered that the Committee "be allocated twelve thousand roubles towards financing archaeological expeditions to Eastern Turkestan during the current year" and granted the Ministry of Foreign Affairs the right to allocate seven thousand roubles annually "towards the same undertaking" during four years (from 1905 onwards). The following year, however, "the allocation of the aforementioned funds was suspended for reasons of serious financial difficulties," and in March 1908 the State Duma's Budget Commission proposed that the RCMA should be made accountable to the Academy of Sciences.

The proposal was declined because the challenges faced by the RCMA required substantial government support. On 18 (31) March 1908, the Preliminary Committee convened to draft the Russian Committee's charter unanimously voted for the Russian Committee to remain accountable to the Ministry of Foreign Affairs. The following rationale for this decision was sent to the State Duma: "1. The Russian Committee, being the leading agency of the International Association for Middle and East Asia Exploration, is supposed to be able to contact foreign governments as needed, which is guaranteed by the Committee's affiliation with the Ministry of Foreign Affairs. 2. Since the larger part of the area under Committee's scholarly investigation lies beyond the boundaries of the Russian Empire, it is necessary that the Committee should continuously maintain direct contacts with Russian embassies and consulates in foreign countries. 3. The Russian Committee is supposed to provide expert conclusions to the Ministry of Foreign Affairs on the permissibility of scholarly activities by foreigners on the Russian territory and those by Russian scientists on the territories of Asian countries; this requires immediate and close contacts with the Ministry of Foreign Affairs. The members of the Committee Board must have the full confidence of the Minister for Foreign Affairs, and this is ensured by the current arrangement whereby their nominations are approved by the Minister for Foreign Affairs. 4. If the Russian Committee as the central body of the International Association is to keep up its scholarly and international reputation, it must be totally independent from any other scientific institutions."52

Financial problems impeded expedition activity, as the Committee reported to the Ministry of Foreign Affairs time and again. Letters addressed to the minister said that funding cuts "have had an adverse effect on the Committee's projects in Eastern Turkestan, first by dramatically slowing down their progress and then by bringing them to a halt altogether, a situ-

⁵² Там же. Л. 27—27 об.

⁵³ Там же. Л. 51—51 об.

⁵⁰ PBA RAS. Fond 148. Inv. 1, unit 49, f. 46.

⁵¹ *Ibid.*, f. 51.

⁵² *Ibid.*, ff. 27, 27v.

копии и кальки с росписей, сделал множество планов и фотографий. Позже С.Ф. Ольденбург характеризовал его работу так: «Великолепный фотограф. Отличный специалист по съемке, недостаток подготовки, медленность работы» 54. В 1905—1907 гг. при деятельном участии комитета была организована и осуществлена командировка Бадзара Барадийновича Барадийна (1878—1939) в Лавран, давшая ценный исследовательский материал и обогатившая собрание тибетской литературы Академии наук «тщательно и умело составленной коллекцией тибетских ксилографов, изданных в Амдо» 55.

Хотя РКСА долго не удавалось найти средства для организации большой экспедиции с археологическими целями в Центральную Азию, продолжались географические и естественнонаучные исследования региона, осуществляемые РГО. В 1906—1907 гг. состоялась экспедиция Карла Густава Маннергейма (1867—1951), который был высочайше командирован в Китай с «негласной целью». Маннергейм много времени уделил осмотру, описанию, фотографированию памятников древности, особенно в Карашаре и в районе Турфана, с некоторых сняв планы⁵⁶. Выдающиеся результаты принесли экспедиции П.К. Козлова, открывшего в 1907—1909 гг. в пустыне Гоби остатки мертвого тангутского города Хара-Хото и доставившего в Санкт-Петербург уникальные памятники тангутского искусства и письменности.

В 1908 г. для того чтобы привлечь внимание к своей деятельности, РКСА обратился с предложением к министерству двора организовать «Выставку древностей Восточного Туркестана и Самарканда» в Большом Царскосельском дворце для их обозрения императором Николаем II и особо приглашенными лицами. Среди экспонатов были представлены находки экспедиций М.М. Березовского в Кучу и Самуила Мартыновича Дудина (1863—1929) в Западный Туркестан. Выставка проходила в течение одного дня 30 ноября (13 декабря) 1908 г. с 11 до 16 часов. На нее были приглашены В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, М.М. Березовский, С.М. Дудин. Осмотрев выставку, император «всемилостивейше выразил свое согласие принять РКСА под свое особое покровительство» 57.

Благодаря выставке к 1909 г. РКСА удалось привлечь государственные средства для экспедиции в Туркестан, которую возглавил С.Ф. Ольденбург. Его исследования в

ation that foreigners, i.e. the Germans and the French, were quick to benefit from: they have sent huge expeditions following in our footsteps. Unless the Committee resumes its activity vigorously and without delay, the Russian scholars' work of many years in Eastern Turkestan is likely to be completely wasted."53

During that period the RCMA only just managed to afford small-scale expeditions to Central Asia. In 1903, Andrei Dmitrievich Rudnev (1878–1958) was dispatched to Eastern Mongolia to study Mongolian dialects. In 1905–07, Mikhail Mikhailovich Berezovsky's expedition visited Kucha. It included a relative of his, the draughtsman Nikolai Matveyevich Berezovsky, a student of the Institute of Civil Engineering.

Mikhail Berezovsky visited Subashi, Dolgur-akur, Tadjit, Kumtura, Kucha, Kizil and Kirish. He made water-colour copies and tracings of paintings, drew a great number of plans and made a multitude of photographs. Subsequently his activity was thus described by S.F. Oldenburg: "A brilliant photographer. An excellent mapmaker, insufficient training, slow pace of work." 54

In 1905–07, the Committee took an active part in preparing and organizing Badzar Baradiynovich Baradiyn's (1878–1939) journey to Labrang, which yielded some valuable research material and enriched the Academy of Sciences' collection of Tibetan literature with "a thoroughly and competently selected assemblage of Tibetan xylographs published in Amdo."55

Although the RCMA long had difficulty in getting funds for mounting a large-scale archaeological expedition to Central Asia, geographic and natural science investigation of the region continued, carried out by the Russian Geographic Society. In 1906–07, Carl Gustav Mannerheim (1867–1951) was "secretly" dispatched to China on imperial orders. He spent a long time examining, recording and photographing ancient monuments, particularly in Karashar and in the Turfan area, and drawing plans of some of them. Highly effective was the expedition led by P.K. Kozlov, who in 1907–09 discovered the remnants of the dead Tangut city of Khara-Khoto in the Gobi Desert and delivered unique relics of Tangut art and written texts to St. Petersburg.

In 1908, wishing to draw august attention to its activity, the RCMA approached the Court Ministry to organize 'An Exhibition of Ancient Relics from Eastern Turkestan and Samarkand' in the Great Tsarskoselsky Palace for the benefit of Emperor Nicholas II and a select group of visitors. The exhibits included finds of M.M. Berezovsky's expedition to Kucha and Samuil

⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 188. Л. 37.

⁵⁵ Востриков А.И. С.Ф. Ольденбург и изучение Тибета // Записки Института востоковедения АН СССР. Вып. 4, М.; Л., 1935. С. 76.

⁵⁶ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. М., 1988.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1, ед. хр. 49. Л. 103—107.

⁵³ *Ibid.*, ff. 51, 51v.

⁵⁴ PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 188, ff. 37.

Vostrikov, A.I. "S.F. Oldenburg and a Study of Tibet." *Transactions of the IOS, USSR AS.* Issue 4. M., L., 1935, p. 76.

Eastern Turkestan during the Antiquity and the Early Middle Ages: Essays on History. S.L. Tikhvinsky and B.A. Litvinsky, eds. M., 1988, p. 37.

Турфане в 1909—1910 и в Дуньхуане в 1914—1915 гг. получили название Русских Туркестанских экспедиций.

Экспедиция в Турфан 1909—1910 гг. по замыслу С.Ф. Ольденбурга носила разведочный характер, поскольку ничего из материалов предшествующих экспедиций опубликовано не было. Одним из ее результатов было глубокое разочарование следами деятельности предшественников. Ф.И. Щербатской (1866—1942) писал по этому поводу: «В результате, когда экспедиция, возглавляемая С.Ф. [Ольденбургом двинулась в путь, страна уже была посещена целым рядом экспедиций, которые буквально опустошили край в археологическом отношении. Русской экспедиции, прибывшей на место после других, оставалось только констатировать такое положение и вернуться домой почти с пустыми руками. Между тем, в то же время в Берлине открылся великолепный, богатейший музей находок из Китайского Туркестана, музей, который составляет одно из украшений Берлина и усердно посещается как специалистами, так и иностранными туристами»58.

Основная деятельность первой Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга протекала в северных оазисах Восточного Туркестана — Карашаре, Турфане и Куче, где были исследованы около десятка наземных и пещерных буддийских храмов.

Метод С.Ф. Ольденбурга заключался в том, чтобы при археологическом исследовании пользоваться главным образом точными и ясными фотографическими снимками и хорошо составленными планами. С этой целью в состав его экспедиций всегда входили первоклассные фотографыхудожники и инженеры-топографы. В первой экспедиции работали художник и фотограф С.М. Дудин и горный инженер Дмитрий Арсеньевич Смирнов. На русском языке был опубликован лишь краткий отчет первой Русской Туркестанской экспедиции⁵⁹. Материалы, которые С.Ф. Ольденбург приобрел во время своих экспедиций, хранятся сейчас в Институте восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН), Государственном Эрмитаже и Российском этнографическом музее. Хотелось бы особо упомянуть наличие обширного архива этих экспедиций (Эрмитаж, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН и Архив востоковедов ИВР РАН).

В 1909—1911 и 1913—1914 гг. состоялись поездки Сергея Ефимовича Малова (1880—1957) в Восточный Туркестан и Центральный Китай для изучения языка и быта тюркских народов — уйгуров, желтых уйгуров, лопнорцев и саларов. В результате языкам этих народностей было впер-

Martynovich Dudin's (1863–1929) expedition to Western Turkestan. The one-day exhibition took place on 30 November (13 December) 1908, between 11 a.m. and 4 p.m. V.V. Radloff, S.F. Oldenburg, M.M. Berezovsky and S.M. Dudin were among those invited, too. On having gone round the exhibition, the emperor "kindly agreed to give his especial patronage to the Russian Committee." 57

The exhibition resulted in the RCMA's getting a government subsidy to organize an expedition to Turkestan. It was headed by S.F. Oldenburg, whose journeys to Turfan (1909–10) and Dunhuang (1914–15) were referred to as Russian Turkestan Expeditions.

The 1909–10 Turfan Expedition was conceived by Oldenburg as reconnoitering because no materials of previous expeditions had been published. In effect, it created a sense of profound disappointment with traces of his predecessors' activity. Th.I. Stcherbatsky (1866—1942) had this to say on the subject: "As a result, when the expedition led by S.F. [Oldenburg] set out, that country had already been visited by a large number of other expeditions that had literally plundered the area, archaeologically speaking. Having arrived in their wake, the Russian expedition could but establish the fact and return home practically empty-handed. Meanwhile, a magnificently rich museum of Chinese Turkestan finds opened in Berlin; it has become one of the city's highlights, thronged with scholars and foreign tourists." ⁵⁸

The activity of the S.F. Oldenburg's First Russian Turkestan Expedition chiefly focused on the northern oases of Eastern Turkestan, i.e. Karashar, Turfan and Kucha, where about a dozen surface and cave Buddhist temples were investigated. Oldenburg's method of archaeological study mainly relied on precise, unambiguous photographs and thoroughly drawn plans. Therefore, he made a point of recruiting first-rate art photographers and topographic engineers. The artist and photographer S.M. Dudin and the mining engineer Dmitry Arsenyevich Smirnov were members of his first expedition. Only a brief account of the First Russian Turkestan Expedition was published in Russian.59 The materials acquired by S.F. Oldenburg in the course of his expeditions have now entered the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, the State Hermitage Museum and the Russian Museum of Ethnography. Particularly worthy of note are vast archives of the Russian Turkestan Expeditions, preserved in the State Hermitage Museum, the St. Petersburg Branch of the Archives of the Academy of Sciences and the Archives of Orientalists kept in the Institute of Oriental Manuscripts.

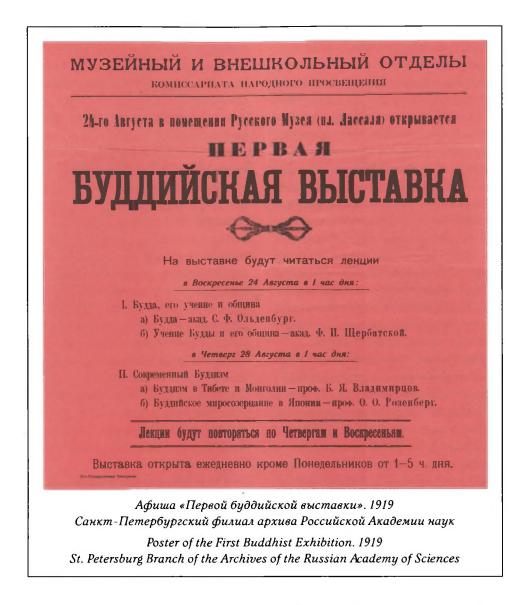
⁵⁸ Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист // Записки Института востоковедения АН СССР. Вып. 4. М.; Л., 1935. С. 26.

⁵⁹ Ольденбург С.Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909 года. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.

PBA RAS. Fond 148. Inv. 1, unit 49, ff. 103-107.

⁵⁸ Steherbatsky, F.I. "S,F. Oldenburg as Indologist." *Transactions of the IOS, USSR AS.* Issue 4. M., L., 1935, p. 26.

Oldenburg, S.F. Russian Turkestan Expedition of 1909: A Concise Report. SPb., 1914.



вые дано научное описание. Важным приобретением С.Е. Малова во время первой его экспедиции стала находка уникальной уйгурской рукописи «Сутра Золотого блеска» («Алтун ярук»).

Памятники буддийского искусства были представлены на «Первой буддийской выставке» в Петрограде, которая открылась в помещениях Русского музея 24 августа 1919 г., в разгар Гражданской войны. Задачей выставки было впервые представить в России многообразие школ буддийского искусства на основе памятников, привезенных из Индии и Центральной Азии. На выставке демонстрировались кальки и фотографии росписей пещер Дуньхуана, статуи и иконы из тангутского города Хара-Хото, а также памятники буддийского прикладного искусства из Индии, Тибета, Монголии, Японии, Явы и Индокитая. Образ Будды и его трактовка разными народами был центром экспозиции. На выставке были представлены немногочисленные памятники буддийского искусства, находившиеся в хорошей сохранности и не требовавшие реставрации. Росписи, рукописи и этнографи-

In 1909–11 and 1913–14, Sergei Efimovich Malov (1880–1957) made journeys to Eastern Turkestan and Central China to study the language and everyday life of the local Turkic nationalities, i.e. the Uighur, the Yellow Uighur, the Lop Nor and the Salar peoples. As a result, their languages received the first scholarly outline. The discovery of the unique Uighur manuscript called *The Golden Light Sutra* (*Altun Yaruq'*, *Suvarṇa-prabhāsa-sūtra*) was a major achievement of S.E. Malov's first expedition.

Buddhist art relics were shown in the *First Buddhist Exhibition* held in Petrograd. It opened in the rooms of the Russian Museum on 24 August 1919, at the height of the Civil War. The exhibition aimed to introduce the Russian public to the diversity of Buddhist art schools by displaying articles brought from India and Central Asia. The exhibits included the tracings and photographs of Dunhuang murals, statues and paintings from the Tangut city of Khara-Khoto, as well as the objects of Buddhist decorative art from India, Tibet, Mongolia, Japan, Java and Indo-China. The exposition centered on the image of the

ческие коллекции не выставлялись. Экспозиция сопровождалась публичными лекциями по истории буддизма и современному его состоянию, читаемыми еженедельно крупнейшими специалистами: «Будда» (С.Ф. Ольденбург), «Учение Будды и его община» (Ф.И. Щербатской), «Буддизм в Тибете и Монголии» (Б.Я. Владимирцов), «Буддийское миросозерцание в Японии» (О.О. Розенберг) 60.

Исследования Центральной Азии продолжались уже в советское время. В 1923—1926 гг. состоялась Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова, главным достижением которой стали раскопки курганов Ноин-Улы. Выдающееся значение для изучения географии и геологии Сибири, Центральной и Средней Азии имели работы Владимира Афанасьевича Обручева (1863—1956), который описал свои путешествия в целом ряде научно-популярных книг и увлекательных научно-фантастических романов.

Одновременно с русскими исследователями Центральную Азию посещают зарубежные ученые.

Великобритания, активно присутствовавшая в регионе, как и Россия, первоначально вела здесь исследования географического и картографического характера. Вполне очевидно, что в обмене разведывательными данными не могло быть свободы и открытости, но все же, невзирая на соперничество в сфере геополитики, представители военно-топографических служб двух стран старались объединять усилия в исследовании неизвестных европейцам уголков Центральной Азии, исходя во многом из гуманистических принципов обеспечения прогресса географических знаний⁶¹. Среди материалов Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова в Архиве РГО сохранилось много карт на английском языке, которыми пользовались наши путешественники. Настоящую охоту за картографическими данными русских экспедиций в Центральной Азии вели и англичане, и китайцы.

Первым из англичан на архитектурные памятники региона обратил внимание Уильям Джонсон, который в 1865 г. посетил Хотан, Керия и Черчен⁶². В 1870 и в 1873 гг. с официальными миссиями к Якуб-беку, правителю недолговечного независимого государства в Восточном Туркестане, был направлен Томас Дуглас Форсайт. В его отчете Королевскому Географическому обществу говорилось о древних городах, засыпанных песками, а также о погребенных в них предметах искусства⁶³. Отчеты Форсайта вызвали большой интерес и были опубликованы в России⁶⁴.

Buddha and its interpretations by various cultures. Only a few Buddhist art relics, those that were in a good state of preservation and didn't need to be restored, had been put on show. No murals, manuscripts or ethnographic collections were displayed. The exposition was accompanied by public lectures, given weekly by the most prominent scholars, on the history of Buddhism and its current state, e.g. 'The Buddha' by S.F. Oldenburg, 'The Buddha's Teaching and the Holy Community' by Th.I. Stcherbatsky, 'Buddhism in Tibet and Mongolia' by B.Ya. Vladimirtsov, and 'Buddhist Worldview in Japan' by O.O. Rosenberg.⁶⁰

The study of Central Asia resumed during the Soviet.era. In 1923–26, the Mongolia and Tibet Expedition led by P.K. Kozlov succeeded in excavating the Noyon Uul burial mounds. Vladimir Afanasyevich Obruchev (1863–1956) made a great contribution to the study of the geography and geology of Siberia and Central and Middle Asia. He described his experiences in a large number of popular science books and fascinating science fiction novels.

Foreign scientists explored Central Asia concurrently with their Russian counterparts. Great Britain, whose presence in the region was as active as Russia's, began by carrying out geographic and cartographic surveys. It is only natural that there could be no question of free and open reconnaissance data exchange; however, despite the two nations' geopolitical rivalry, the staff of their military topographic units attempted to combine their efforts in studying the remote corners of Central Asia unknown to Europeans, guided largely by the humanistic principles of promoting advance in geography. The Archives of the Russian Geographic Society preserve, among N.M. Przhevalsky's and P.K. Kozlov's materials, numerous maps in English, which were used by the Russian travellers. Both the British and the Chinese coveted cartographic materials compiled by Russian expeditions to Central Asia.

William Johnson, who visited Khotan, Keriya and Cherchen in 1865, was the first Briton to notice local architectural monuments. ⁶² In 1870 and 1873, Sir Thomas Douglas Forsyth was sent on official missions to Yaqub-bek, head of a short-lived independent state in Eastern Turkestan. His report to the Royal Geographic Society described sand-buried ancient cities and the treasures they concealed. ⁶³ Sir Forsyth's reports aroused a keen interest and were published in Russia. ⁶⁴

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 233. Л. 1а.

⁶¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М., 2001. С. 343—344.

Johnson, W.H. Report on his Journey to Ieché, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary." *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 37 (1867).

Report of a Mission to Yarkand 1873 under Command of Sir T.D. Forsyth. Calcutta, 1875.

⁶⁴ Белью [Х.У.]. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873—1874 гг. СПб., 1877.

⁶⁰ PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 233, f. 1a.

Postnikov, A.V. Fight on the 'Roof of the World': Politicians, Intelligence Officers and Geographers in the Struggle for Pamir. A documentary monograph. M., 2001, pp. 343–344.

Johnson, W. H. "Report on his Journey to Ieché, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary." *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 37 (1867).

⁶³ Forsyth, T. D. Report of a Mission to Yarkand in 1873. Calcutta, 1875.

⁶⁴ Bellew, [H. W.] Kashmir and Kashgar: A Journal of the English Mission to Kashgar in 1873–1874. SPb., 1877.

В 1889 г. лейтенант Г. Бауэр приобрел в Восточном Туркестане сочинение на бересте на неизвестном языке и отправил его в Бенгальское Азиатское общество. С рукописью ознакомился известный специалист по индоарийским языкам Август-Рудольф Хёрнле (1841—1918). Он высоко оценил рукопись, содержавшую несколько буддийских произведений на санскрите, и впоследствии написал, что с открытия именно этого текста начались археологические исследования Восточного Туркестана. После открытия Р. Хёрнле всем британским дипломатам, служившим в регионе, было предписано приобретать рукописи, которые попадали в их поле зрения, и посылать Хёрнле для дешифровки.

В 1890 г. в Кашгар прибыла миссия Фрэнсиса Янгхазбэнда. Его задачей было учреждение Британского консульства в Центральной Азии, но первоначальные переговоры с китайскими властями не дали результата, и в 1891 г. миссия Янгхазбэнда отправилась обратно, за исключением молодого переводчика Джорджа Макартни (1867-1945), который был оставлен там как представитель Великобритании до 1909 г., когда он получил официальный статус консула. Находясь на службе в Кашгаре до 1918 г., Дж. Макартни приобрел у местного населения множество рукописей и других находок. В дальнейшем британские дипломаты Д. Шериф, Ф. Уиллиямсон и К. Скрайн также покупали рукописи и предметы искусства. Интересно отметить, что научное коллекционирование русских и английских дипломатов стало своего рода продолжением большой политики. Очень часто они приобретали раритеты у одних и тех же агентов, которые использовали их соперничество с выгодой для себя.

Публикация рукописи Бауэра и отчеты Свена Гедина (1865—1952) стали основным побудительным моментом для организации в Восточный Туркестан экспедиций выдающегося исследователя Марка Аурела Стейна (1862—1943). В 1900—1930 гг. Стейн осуществил четыре экспедиции в регион, провел раскопки в Дуньхуане и Турфане, составил по ним подробные археологические, фотографические и этнографические отчеты. В течение одиннадцати месяцев своей первой экспедиции (1900-1901) он исследовал древние города Хотан, Ния, Миран и Лоулань, опубликовал подробный отчет этой экспедиции, дневник своих путешествий, а также несколько статей. Во время второй экспедиции (1906—1908) Стейн продолжил начатые раскопки и прошел на восток до Дуньхуана, где он намеревался изучить оборонительные сооружения ханьского времени. Он посетил Пещеры тысячи будд, откуда вывез рукописи знаменитой монастырской библиотеки, прощел по северной ветви Шелкового пути, сделав короткую остановку в Турфане, провел раскопки близ Хотана и завершил свою экспедицию в горах Куньлуня. Краткий отчет этой экспедиции вскоре увидел свет, но для составления полного отчета в пяти томах с картами и иллюстрациями понадобилось несколько лет. В ходе третьей экспедиции 1913—1916 гг. А. Стейн посетил

In 1889, Lieutenant Hamilton Bower bought a manuscript written on pieces of birch bark in an unknown alphabet and sent it from Eastern Turkestan to the Asiatic Society of Bengal, where it eventually made its way into the hands of Augustus Rudolf Hoernle (1841—1918), a noted expert on Indo-Arian languages. He was able to appreciate the significance of the manuscript, which contained a number of Buddhist writings in Sanskrit; subsequently he wrote that the finding of this particular manuscript initiated the archaeological study of Eastern Turkestan. Following his discovery the British diplomats based in the region were instructed to buy the manuscripts that came to their notice and forward them to Hoernle for deciphering.

In 1890, Sir Francis Younghusband's mission arrived in Kashgar. He was entrusted with establishing a British consulate in Central Asia, but the initial negotiations with the Chinese authorities were unsuccessful, so that in 1891 his expedition set out on their return journey, except for a young translator, George Macartney (1867-1945), who stayed on as the representative of Britain to China until 1909, when he was officially made Consul-General. He remained in the diplomatic service, staying in Kashgar until 1918, and acquired a great number of manuscripts and other finds from local people. Later on the British diplomats D. Sheriff, F. Williamson and C. Skrine went on purchasing manuscripts and art objects. It is worthy of note that with Russian and British diplomats scientific collecting became part of major political affair. They often bought rare objects from the same dealers, who profited handsomely from their rivalry.

The publication of Bower's Manuscript and Sven Hedin's (1865–1952) reports were conducive to mounting expeditions of an outstanding explorer Sir Marc Aurel Stein (1862-1943) to Eastern Turkestan. Between 1900 and 1930, he led four expeditions to that region, carried out excavations in Dunhuang and Turfan and compiled comprehensive archaeological, photographic and ethnographic surveys. During the eleven months of his first expedition in 1900-01 he studied the ancient cities of Khotan, Niya, Miran and Loulan. He published a detailed report of his expedition, his own travel journal and several articles. During his second expedition, in 1906–08, A. Stein continued the excavations he had started previously and advanced eastwards as far as Dunhuang, where he was going to investigate the fortifications dating from the Han dynasty. He visited the Caves of a Thousand Buddhas, whence he acquired the manuscripts from the famous monastery library, travelled on the northern branch of the Silk Road and made a short sojourn in Turfan. After carrying out excavations near Khotan, he finished his expedition in the Kunlun Mountains. A brief outline of his expedition soon saw the light, whereas compiling a comprehensive five-volume survey complete with maps and illustrations (Serindia) took several years. During his third expedition, between 1913 and 1916, Stein visited ancient sites along the southern route of the Silk Road east of Dunhuang, carried out городища южной ветви Шелкового пути восточнее Дуньхуана, провел раскопки близ Турфана, в Астане и Безеклике, посетил Кашгар и отправился через Памир вдоль афганской границы в Систан, в западный Иран, где также провел археологические исследования. Он опубликовал полный академический отчет об этой экспедиции («Innermost Asia»), а спустя несколько лет — сводный отчет по трем экспедициям.

А. Стейн вновь посетил некоторые особенно интересовавшие его памятники во время своей четвертой, последней, экспедиции в Центральную Азию в 1930—1931 гг. За этим последовали четыре экспедиции в Иран и Ирак, во время которых А. Стейн выполнил аэросъемку древнеримских оборонительных сооружений на Ближнем Востоке и прошел по маршруту походов Александра Македонского. Он скончался в 1943 г. в Кабуле перед началом новой археологической экспедиции в Афганистан.

В 1877—1880 гг. состоялась австро-венгерская экспедиция в Китай под руководством Белы Сечени, в которой приняли участие Г. Крейтнер (1883—1951) и Л. Лочи (1849—1920). Путешественники прошли большой маршрут от Шанхая на запад до провинции Ганьсу, имея намерение следовать дальше в Тибет, но из-за противодействия китайских властей они были вынуждены отправиться в Бирму.

В Германии решение об организации экспедиции в Турфан было принято сразу же после сенсационного доклада В.В. Радлова и С.Ф. Ольденбурга на XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в 1899 г., но из-за финансовых трудностей экспедиция под руководством Альберта Грюнведеля (1856—1935) отправилась в путь только в сентябре 1902 г. Необходимая сумма в 40 тысяч марок была составлена из средств Музея народоведения, денег, выделенных магнатом Круппом, попечителем музея Джеймсом Саймоном, а также Берлинским этнографическим обществом взаимопомощи. Кроме руководителя экспедиции А. Грюнведеля в нее вошли востоковед Георг Хут и технический работник музея Теодор Бартус. Экспедиция проследовала через Урумчи в Турфан, где провела исследования в Идикут-шари, Безеклике, Сенгиме, Туюке. Затем она посетила Токсун, Қарашар, Қучу, Қумтуру, Қызыл, Аксу, Тумшук, Маралбаши и Кашгар. В марте 1903 г. экспедиция вернулась в Берлин. Результаты работы были опубликованы А. Грюнведелем в 1905 г.

Исключительные результаты и находки первой экспедиции получили высокую оценку научного сообщества в Германии. Кроме исследовательских, экспедиция преследовала музейные цели, и многие доставленные из Восточного Туркестана произведения искусства сразу же были помещены в экспозицию Музея народоведения. Немецкий Комитет изучения Центральной и Восточной Азии, во главе которого стояли Р. Пишель и Х. Людерс, рекомендовал продолжить

excavations near Turfan, in Astana and Beziklik, visited Kashgar, traversed the Pamir along the Afghan border and reached Sistan and western Iran, where he also carried out archaeological investigations. He published a complete academic report of the expedition, (*Innermost Asia*), and several years later brought out a consolidated report covering the three expeditions.

During his fourth (and last) expedition to Central Asia in 1930–31, Stein visited yet again some of the monuments he found especially interesting. Then followed four expeditions to Iran and Iraq, where Stein carried out an aerial photographic reconnaissance of the Roman fortifications in the Near East and traced Alexander the Great's eastern campaigns. He died in Kabul in 1943 before he could commence his new archeological expedition to Afghanistan.

The 1877–80 the joint Austrian and Hungarian expedition to China included Béla Szécheni (head) as well as G. Kreitner (1883–1951) and L. Lóczy (1849–1920). Their party made a long journey from Shanghai westwards, as far as the Gansu Province, with the intention of proceeding to Tibet; however, thwarted by the Chinese authorities, they had to make for Burma.

In Germany, the decision to mount an expedition to Turfan was made immediately following V.V. Radloff and S.F. Oldenburg's presentation of their paper at the 12th International Congress of Orientalists in Rome in 1899. However, kept back by financial difficulties, the expedition under Albert Grünwedel (1856—1935) was not launched until September 1902.

The necessary sum of forty thousand marks was raised with donations from the Museum für Völkerkunde, the industrialist Krupp, the Museum's patron James Simon and the Berlin Ethnological Aid Committee. Besides Grünwedel, the party included the Orientalist Georg Huth and the Museum's staff member Theodor Bartus. They travelled via Urumqi to Turfan, where they investigated Idiqutshari, Beziklik, Sängim and Toyuq. Then they visited Toksun, Karashar, Kucha, Kumtura, Kizil, Aksu, Tumshuk, Maralbashi and Kashgar. In March 1903 the expedition returned to Berlin. Grünwedel published the results of their work in 1905.

The first expedition's exceptionally valuable results and finds were highly appreciated by the German academic community. The expedition served not only scientific, but also museum purposes, and many treasures brought back from Eastern Turkestan were immediately put on display in the Museum für Völkerkunde. The German Committee for Central and Eastern Asian Studies headed by R. Pischel and H. Lüders recommended that the work should be continued. The next three German (or Prussian, as they were referred to at that time) expeditions to Turfan were state-financed. The second expedition was led by Albert von Le Coq (1860–1930) of the Museum für Völkerkunde. Together with Theodor Bartus he worked in Turfan, Yar-Khoto, Sängim and Beziklik between November 1904 and November 1905. Then they went to Kash-

начатую работу. Последующие три немецкие (или, как писали в начале XX в., прусские) Турфанские экспедиции уже были профинансированы государством. Вторую экспедицию возглавил Альберт фон Лекок (1860—1930), научный сотрудник Музея народоведения. Вместе с Т. Бартусом он проработал в Турфане, Яр-Хото, Сенгиме и Безеклике с ноября 1904 г. по ноябрь 1905 г. Затем экспедиция проследовала в Кашгар, куда в декабре 1905 г. прибыла третья немецкая Турфанская экспедиция под руководством А. Грюнведеля. Две экспедиции соединились и в июне 1907 г. завершили совместную работу. В середине 1906 г. Лекок из-за болезни был вынужден вернуться домой. А. Грюнведель и Т. Бартус продолжали работу, проводя раскопки западнее Турфана, в том числе в буддийских пещерных храмах Кызыла. Экспедиция обследовала многие памятники, проехав из Кашгара в Тумшук (январь 1906), затем в Кызыл, Кучу, Кумтуру (февраль 1906), Кириш (февраль — май 1906 г.). Летом 1906 г. велись работы близ города Корла в храмовом комплексе Шикшина. Затем через Турфанский оазис немецкие исследователи отправились в Туюк и Хами. По результатам второй и третьей экспедиций были опубликованы «Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan» Грюнведеля (1912) и книга Лекока «Auf Hellas Spuren in Ostturkistan» (1926). Четвертая, последняя, немецкая Турфанская экспедиция началась в июне 1913 г. и была завершена в феврале 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны. Возглавил экспедицию Лекок. В основном она проводила раскопки в окрестностях Кучи, продолжая работу, начатую третьей экспедицией. Отчет был опубликован Лекоком в 1928 г.

Французская экспедиция, возглавляемая выдающимся синологом Полем Пеллио (1878—1945), выехала из Парижа 15 июня 1906 г. Его спутниками были военный врач Луи Вайан, который вел топографические и естественнонаучные наблюдения, а также фотограф Шарль Нуэтт. В августе 1906 г. экспедиция прибыла в Кашгар, где за шесть недель раскопок П. Пеллио собрал коллекцию рукописей и обследовал памятники Учмерван, Искишахр, Хан-уй, Каптархона, Теджурман, Топатим и Топашахр. Затем экспедиция направилась к востоку от Кашгара до древнего монастырского комплекса Тумшук, где прежде проводил раскопки Свен Гедин. С января 1907 г. экспедиция изучала окрестности Кучи, сосредоточив особое внимание на Дулгур-Охуре, где обнаружила 200 фрагментов китайских рукописей, а также рукописи, выполненные письмом брахми. В районе Субаши Пеллио обнаружил новые рукописные фрагменты, включая санскритские надписи на дереве, документы, а также дощечки с текстами на мертвом кучинском языке (тохарском Б, или западном тохарском). После восьми месяцев работы в Куче экспедиция проследовала через Турфан и Хами в Дуньхуан, где работала с 12 февраля по 7 июня 1908 г. gar, where the third German expedition under Grünwedel also arrived in December 1905. The two expeditions joined together and collaborated until June 1907. In mid-1906 Le Coq had to return home on account of poor health. Grünwedel and Bartus went on with their work, carrying out digs west of Turfan, e.g. in the Buddhist cave monasteries near Kizil. They investigated a wide range of monuments in travelling from Kashgar to Tumshuk (January 1906) and thence to Kizil, Kucha, Kumtura (February 1906) and Kirish (February-May 1906). In the summer of 1906 they worked at the monastery complex of Shikchin near Korla and then went through the Turfan Oasis to Toyug and Hami. Based on the results of the second and third expeditions were Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan by Grünwedel (1912) and Le Coq's book entitled Auf Hellas Spuren in Ostturkistan (1926). The fourth, and last, of German Turfan expeditions began in June 1913 and finished in February 1914, shortly before the outbreak of World War I. The expedition, under Albert von Le Coq, chiefly continued the work of the third expedition by carrying out excavations near Kucha. Le Coq published his report in 1928.

The French expedition under the noted Sinologist Paul Pelliot (1878-1945) set out from Paris on 15 June 1906. It included the medical officer Louis Vaillant, who was also responsible for topographic and natural science surveys, and the photographer Charles Nouette. In August 1906, the travellers arrived in Kashgar, where Pelliot amassed, as a result of six weeks' explorations, a collection of manuscripts and investigated such monuments as Uch-Mervan, Eskishahr, Khan-uy, Kaptarkhona, Tejurman, Topatim and Topashahr. Then the expedition advanced westwards of Kashgar, as far as the ancient monastery complex of Tumshuk, which had been excavated by Sven Hedin. From January 1907 they investigated the Kucha area, focusing especially on Dolgur-akur, where they discovered 200 fragments of Chinese manuscripts as well as samples of Brāhmī script. In the vicinity of Subashi, Peillot discovered more fragments of handwritten documents, including Sanskrit writing on wood, documents and wooden plaques with scripts in a dead Kuchean language (Tocharian B or Western Tocharian). After eight months' work in Kucha the expedition went via Turfan and Khami to Dunhuang, where it worked from 12 February till 7 June 1908. The Caves of a Thousand Buddhas was investigated between 27 February and 27 May.

Aurel Stein, the first European to reach Dunhuang, had concentrated on the library, without carrying out a comprehensive study of the cave complex. It is Pelliot who gets the credit for preparing thorough photographic and written surveys. While investigating the caves he discovered thousands of manuscripts in Chinese, Tibetan, Uighur and Sanskrit, as well as paintings on silk, canvas and paper. He selected a number of Buddhist and other texts, documents, statues and paintings on silk. On 28 September (11 October) 1908 his expedition arrived at Xian

С 27 февраля по 27 мая были обследованы Пещеры тысячи будд.

А. Стейн, который стал первым европейцем, побывавшим в Дуньхуане, сосредоточился на библиотеке и не провел комплексного исследования пещерного комплекса. Заслугой Пеллио была подготовка подробных фотографических и письменных отчетов. В пещерах им были обнаружены десятки тысяч рукописей на китайском, тибетском, уйгурском языках и санскрите, а также изображения на шелке, холсте и бумаге. Пеллио отобрал ряд текстов буддийского и небуддийского содержания, документы, статуи и изображения на шелке. 28 сентября (11 октября) 1908 г. экспедиция прибыла в Сиань, откуда через Пекин отправилась в обратный путь. В Пекине Пеллио передал несколько рукописей китайским ученым. В результате китайское научное сообщество в Пекине убедилось в важности открытия дуньхуанской пещерной библиотеки. Был учрежден специальный комитет, который в 1909 г. убедил правительство перевезти оставшуюся часть библиотеки в Пекин.

Одновременно с западными исследователями в Центральной Азии работали японские ученые. Первая японская экспедиция в Восточный Туркестан состоялась в 1902— 1904 гг. под влиянием результатов экспедиции А. Стейна. Отани Кодзуи, Ватанабэ Тэссин и Хори Кэнью прибыли в Восточный Туркестан из Лондона через Россию. Сначала они посетили Хотан, провели там раскопки, затем проследовали в Кучу, изучили памятники Кызыла и Турфана. Затем через Урумчи они вернулись в Японию. Экспедиция доставила коллекцию рукописей и памятников искусства. Вторая японская экспедиция в Восточный Туркестан состоялась в 1908—1909 гг. Ее участниками были Татибана Дзуйтё и Номура Эйдзабуро. Они исследовали памятники Хара-Ходжо, Муртука и Яр-Хото. Кроме того, они посетили городище Лоулань, оазис Ния, Яркенд и Маралбаши. Третья японская экспедиция состоялась в 1910—1914 гг. Главой ее был Татибана Дзуйтё, который провел исследования в Турфане, Куче, Кашгаре, Хотане. После его отъезда в Японию в 1912 г. другой участник этой экспедиции, Ёсикава Коитиро, продолжал раскопки в Турфане, уделив особое внимание памятникам в Астане, а также в Куче, где обследовал Кумтуру и Субаши.

Несмотря на то, что результаты и российских, и зарубежных археологических экспедиций в то время не были опубликованы, исследователи стремились работать в тесном взаимном контакте.

Проведение масштабных исследований российскими учеными на большой территории Центральной и Средней Азии стало их крупнейшим вкладом в мировую науку, не теряющим научного значения и ныне. Связанный с российскими экспедициями значительный количественный рост научного материала вывел на новый уровень обобщения ряд важнейших исторических, археологических и лингвистических дисциплин.

before setting out on their return journey via Beijing. In Beijing Pelliot gave some of the manuscripts to Chinese scholars. As a result, the Chinese academic community realized the significance of the discovery of the cave library in Dunhuang. An *ad hoc* committee was established, which, in 1909, persuaded the government to transport the remaining part of the library to Beijing.

Japanese scholars worked in Central Asia concurrently with their Western counterparts. The First Japanese Expedition to Eastern Turkestan, instigated by the results of Aurel Stein's journey, was active between 1902 and 1904. Otani Kozui, Watanabe Tesshin and Hori Ken'yu arrived in Eastern Turkestan from London via Russia. They began by carrying out excavations in Khotan, then travelled on to Kucha and studied the monuments of Kizil and Turfan. After that they returned to Japan via Urumqi. The expedition brought back a collection of records and art relics.

The Second Japanese Expedition to Eastern Turkestan took place in 1908–09. It consisted of Tachibana Zuicho and Nomura Eizaburo. They studied the monuments of Khara-Khodja, Murtuk and Yar-Khoto, besides visiting Loulan, Niya, Yarkend and Maralbashi.

It was Tachibana Zuicho who led the Third Japanese Expedition in 1910–14. He carried out investigations in Turfan, Kucha, Kashgar and Khotan. After his departure for Japan in 1912, Yoshikawa Koichiro, a member of his expedition, continued the dig in Turfan, giving special attention to monuments in Astana and in Kucha, where he researched Kumtura and Subashi.

Despite the fact that no results of Russian or Western archaeological expeditions were published at the time, the scientists strove to work in close contact.

Russian scholars' large-scale investigations on vast territories in Central and Middle Asia made a most significant contribution to world science, still valid today. A substantial increase in the amount of scientific material due to Russian expeditions provided new points of reference for a wide range of major historical, archaeological and linguistic disciplines.